

Валерий Осинский
Книга желаний

Валерий Осинский

Книга желаний

«Издательские решения»

Осинский В.

Книга желаний / В. Осинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964000-0

Любовь или дело жизни — трудный выбор. Потомок великого русского-советского архитектора неожиданно получил возможность войти во власть: он хочет быть достойным известной фамилии и нужным людям. Но скоро понимает, что дельцы используют имя его семьи для своих целей, и решает бороться с системой за архитектурное наследие Москвы и за творческое наследие великого предка. Решает, невзирая на то, что родство со знаменитым архитектором может оказаться всего лишь семейным мифом.

ISBN 978-5-44-964000-0

© Осинский В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Книга	6
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Книга желаний

Валерий Осинский

Корректор Александра Григорьевна Васильева

Редактор Олег Игоревич Грибков

© Валерий Осинский, 2019

ISBN 978-5-4496-4000-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Книга

1

Ранними октябрьскими сумерками по Арбату в сторону Смоленской площади торопливо шагал высокий худощавый мужчина лет сорока пяти. На нем был дорогой пиджак, брюки в тонкую полоску, зауженные по моде девяностых, и лакированные штиблеты. Пестрый галстук устало свесил атласный язык из нагрудного кармана незнакомца. Первые снежинки одиноко кружились в морозном воздухе и таяли на фигурной брусчатке, и редкие прохожие косились на легкий, не по сезону костюм мужчины.

Можно было бы написать, что незнакомец не обращал внимания на холод, если бы не поднятый ворот пиджака и руки, засунутые в карманы брюк. Впрочем, холода мужчина действительно не замечал. Как не замечал он ничего вокруг: ни театра Вахтангова, куда много раз ходил на Ульянова и Борисову, ни «стену Цоя», разрисованную граффити, – рядом с ней нищий с седым хвостиком на затылке и жестянкой для подаяний у ног одиноко фальшивил на гитаре «ждём перемен». Так же, как он не замечал Плотникова переулка с одним из домов, построенных по проекту его двоюродного прадеда.

На губах мужчины застыла ироническая ухмылка, в глазах – отчаяние.

Незнакомец так и этак крутил в голове мысль, слипшуюся, как кусок разноцветного пластика, в огромный ком из множества других мыслей, а получалось одно и то же! Когда два институтских и кандидатский диплом уложены в пакетик с орденом Красной Звезды в ящике среди белья, а ты полгода не можешь найти работу, друзей нет, семьи – тоже, когда сын-студент лишь из вежливости терпеливо слушает тебя по телефону, а дочь стыдится тебя перед одноклассниками, когда о бывших женах не хочется вспоминать, а в комнату в коммуналке с алкашами-соседями, где оказался после размена квартиры, – не хочется возвращаться, когда деньги кончились, и выхода нет, значит, где-то ты совершил ошибку. И в сорок пять эту ошибку не исправить!

Кто терял работу в сорок пять, тому ничего объяснять не надо!

Мужчина не знал, как это происходит у других, но полагал – приблизительно так же, как у него. Сначала никому не нужные анкеты на интернет-сайтах и резюме в один конец; игривое «нет ли чего?» знакомым, мол, имей меня в виду, но не затягивай, уже были предложения. «Ты сказал, я тебя услышал, старик!» – «Пока съезжу отдохну». – «Отдохни!»

Через месяц, два... всё то же, но без куда-то запропавших знакомых.

Злобное: не вагоны же разгружать! С тайным знанием, что там тоже не ждут!

Навсегда онемевший мобильник, пустой ящик электронной почты, засиженный мошками спама, забытые странички в соцсетях с твоими снимками там, где тебе уж не бывать, слепые блики телевизора.

Затем изо дня в день серое, немое, страшное, безысходное, с чем засыпаешь и просыпаешься и от чего не спрятаться под одеялом, так, словно тебе воткнули, как жуку, в спину булавку и бесстрастно наблюдают – точнее, наблюдаешь ты сам, ибо никому нет до тебя дела! – скоро ли конец. Последний заглашник и хорошо побегавшая машина (ее можно продать) – только оттянут исход.

Мысль о суициде лишь сначала кажется пошлой. Ибо никто никогда не узнает чужих обстоятельств и потому не сможет сказать, трусость это или храбрость – умереть по собственной воле. Сколько их, таких вот людских трагедий, громких и незаметных, похоронено за века вне кладбищенских оград!

У обывателя все просто – не разгибаясь, до положенной тебе минуты делай то, что написано на роду, а там никто не спросит, хочешь ты умереть или нет? – ойкнуть не успеешь!

Но это для других! Ты-то – иное дело! Ты-то – не как все! Каждый искренне верит, что он не каждый!

Если на свете есть хоть один человек, ради которого ты готов отдать свою жизнь, или тот, кто отдаст свою жизнь за тебя, имеет смысл за жизнь цепляться. Но ни первого – о себе, ни второго – о других, мужчина не знал. Его жизнь как жертву никто не требовал. Чужая – не требовалась ему. Он относился к тому типу людей, которые напоминают знакомым о себе, чтобы те не чувствовали себя одинокими, пока однажды не поймут, что знакомые прекрасно обходятся без него.

Он мог бы спиться. Но если не получилось достойно жить, можно хотя бы достойно умереть.

Вот тогда-то, как избавление, пришло решение. Спокойное, простое...

Когда мужчина перестал жалеть себя: мол, слышали, такой-то повесился, бросился с крыши, под поезд метро, вскрыл вены, наглотался снотворного, отравился газом, – он почувствовал, что все, что с ним происходит – всерьез, и ничего никому объяснять не надо. Главное – не надо объяснять себе! Теперь мужчину занимал практический вопрос: в момент самоубийства он наверняка обгадится, потом протухнет, – или как там бывает? – словом, доставит посторонним гигиенические неудобства, которыми брезговал. Он знал, что организм всегда до конца борется за жизнь, подключая животный страх смерти, инстинкт самосохранения, отчаянное желание жить! Поэтому местом заключительного действия он выбрал Москву-реку (вода омоет!), и не картинную верхотуру Крымского моста, на глазах у случайных зевак (их это не касается!) – а тихое местечко под автобаном на какой-нибудь набережной, зассанной пивными животами. Например, Бородинский мост на Ростовской набережной. Идти к нему через Арбат ближе, чем к другим мостам. Впрочем, место не совсем удачное: напротив Киевский вокзал, спуск к воде по открытой площадке и, должно быть, мелко...

Определенного плана у мужчины не было. Единственное, что он утром решил совершенно точно: если собеседование с очередным глупеньким тридцатилетним Yurrie закончится ничем, – настанет время, дружок, и в комнатке для лузеров ты сядешь на моё место! – то уничтожаться за пост вахтера он больше не станет: очевидно, наверху лучше знают, как распорядиться его судьбой!

...Мужчина прошел почти весь Арбат, когда заметил стоявшего на привычном месте у книжных развалов продавца. Мужчина подошел к книгам скорее по многолетней привычке, нежели потому, что сейчас его интересовали ветхие тома, разложенные по цвету корешков. Букинист, бородатый, седенький дядька неопределенных лет, сверкнул на мужчину очками толстого стекла и, не вынимая рук из карманов брезентовой куртки, кивнул. Одинокий продавец и одинокий покупатель являли собой странное зрелище среди пустынного Арбата.

– Интересуетесь? – спросил букинист, скорее из вежливости, чем надеясь что-нибудь продать. – Берите. Недорого отдам.

– У меня все это есть. А чего нет, я давно прочитал.

В другое время мужчина блеснул бы эрудицией, навскидку опознав год и издательство любой букинистической редкости, но сейчас он вздохнул, в последний раз обегая взором невостремованную вселенскую мудрость, и было шагнул прочь, когда на глаза ему попала книга в кожаном переплете с тиснением. Книга лежала с краю под рукой букиниста.

– А это что? – спросил мужчина.

– Не продается.

– Зачем же вы ее выставили?

– Ее принесли только что. Не на продажу. Вдруг кто-нибудь возьмет.

– Разрешите?

Продавец подал ему небольшой, в полторы ладони шириной, том. Мужчина открыл лицевую страницу. Затем по привычке пролистал книгу назад, желая узнать тираж.

– Тут ничего нет! – удивился он, глядя на ветхие и совершенно пустые страницы.

– Вы пропустили. В самом начале.

Мужчина перевернул лицевую страницу. Здесь действительно были начертаны выцветшие иероглифы. Их сменила арабская вязь, выполненная от руки.

– Это рукопись? – удивился незнакомец, продолжая осторожно изучать книгу.

Продавец не ответил, полагая, что покупатель сам разберется.

Следом за арабскими крючочками начинались древнерусские письмены с «ятями» и «ерями». Арабские и древнерусские записи были разного размера – длиннее или короче, – написанные разной краской или чернилами, разным почерком. Между ними попадались записи латиницей – на английском, французском или немецком языках определить было трудно. Некоторые записи начинались с заглавных букв. Другие обрывались без знаков препинания. Строчкой ниже их вела другая рука.

– Это дневник? – спросил мужчина. В голосе незнакомца послышалось любопытство, смешанное с раздражением на загадку, отвлекавшую его от важного дела.

– Ни то, ни другое. Как мне объяснили, это книга желаний.

– В каком смысле?

– Вы записываете в книгу любое желание, и оно сбывается.

Мужчина недоуменно посмотрел на продавца и вдруг понимающе улыбнулся.

– А, ну да! Типа, одноклассники точка ру, двенадцать месяцев и прочий ширпотреб маскульта! Я сценарии фильмов читал. Сюжет стар, как «Шагреневая кожа» Бальзака. Хороший рекламный ход.

– Мне это рассказал прежний владелец книги.

– Почему же он не оставил книгу себе?

– Она! Книгу принесла пожилая женщина. Чтобы не поддаваться искушению. Книга досталась наследникам от отца. Как пояснила владелица, каждая запись обратно пропорциональна продолжительности жизни ее автора. Другими словами, каждая буква записанного желания соответствует месяцу или году жизни того, кто желание записал. Если желание легко выполнимо, отнимаются месяцы жизни, дни, часы. Если трудно, тогда – годы. Вся штука в том, что никто не знает, сколько времени ему отмерено. Поэтому желание может оказаться последним, а конец – внезапным. Женщина не захотела рисковать.

– Занимательно! – только и проговорил мужчина, перелистывая книгу.

И вдруг почувствовал легкий озноб – то ли от морозного воздуха, то ли от слов продавца.

– А если я пожелаю остановить Землю? – спросил мужчина.

– На это не хватит человеческой жизни.

Незнакомец взгляделся в лицо дядьки и с облегчением решил, что тот принял для согрева и теперь потешается. Мужчина чуть помедлил и вернул книгу на прилавок.

– Похоже, что это старинная вещица. Как думаете, сколько ей лет?

– Думаю, не менее двух тысяч.

Мужчина посмотрел на продавца с иронией:

– В смысле, Гуттенберг отдыхает? – проговорил он, собираясь уходить. Видимо, такой поворот темы не показался ему занимательным.

– При чем тут Гуттенберг? Бумагу изобрели в Китае задолго до Гуттенберга. Цай Лунь в первом веке лишь усовершенствовал то, что придумали за триста лет до него. А кодексы, древние прототипы современных книг в переплетах, делали еще в Древнем Риме.

– Это всем известно! Так что с того?

– А вот что! Посмотрите внимательно! – Обойдя прилавок, букинист подошел к мужчине и открыл книгу на первой странице. – Бумага сделана из шелка, который изготавливали из бракованных коконов шелкопряда. Бумагу из шелка до Цай Луня делали только в Китае, а позже в Корее и Японии.

– Не совсем так. Но допустим.

– Теперь посмотрите сюда!

Продавец извлек из кармана одноразовую зажигалку, чиркнул и, прежде чем незнакомец попытался остановить вандала за рукав, тот поднес рыжий лепесток огня к листку бумаги.

– Вы сдурели?

– Тише! Смотрите внимательно! – продавец неспешно освободил руку.

Жало огня хищно облизывало лист. Бумага даже не закоптилась. Продавец подержал над огнем другой, третий лист, пока не обжёгся и не отдернул руку.

– Бумага обработана неизвестным способом, – продолжал торговец, погасив пламя. – Иначе она не сохранилась бы столько лет. Внизу все листы отрезаны неровно. Нижний край предыдущей страницы совпадает с верхним краем последующей страницы в первой тетради. Это говорит о том, что листы нарезали сверху вниз, первоначально бумага предназначалась для свитка. Книгу склеили позже. Причем сделали это уже в Азии. На кожаном переплете оттиснуто, очевидно, имя мастера и владельца книги.

Букинист кончиками пальцев пощупал оттиск и дал пощупать своему собеседнику.

– Действительно! Как вам удалось на морозе в темноте за несколько минут так хорошо изучить книгу? – все еще потрясенный экспериментом с огнем, но уже с привычной иронией сказал мужчина.

– Я ее не изучал. О книге мне рассказала ее прежняя хозяйка. Я задавал ей точно такие же вопросы, какие задаете вы. Она оставила пояснения на листочках! – терпеливо ответил букинист и вложил в книгу несколько исписанных страниц.

– Тогда почему вы не оставите книгу себе?

– Я нормальный человек и так же, как вы, не верю в сказки. Книга не книга, тетрадь не тетрадь! Что в ней написано, непонятно. Продать ее трудно. Только место на прилавке занимает. С другой стороны, допустим, что все, что я вам сейчас рассказал – правда. Мне семьдесят лет. Кто знает, может, через минуту меня хватит удар, и я не доживу до утра. А если я напишу, что немедленно хочу кружку горячего чая и бутерброд, может статься, что это будет мое последнее желание, потому что я умру на месте, и ни бутерброд, ни чай мне не понадобятся.

– Но и я не знаю, что со мной будет через минуту!

– Извините, мне кажется вам все равно, что с вами будет через минуту, – букинист посмотрел на мужчину поверх очков и смущенно кашлянул.

– Что вы имеете в виду?

– Если человек трезвый и в своем уме выходит из дома по морозу без пальто, значит, у него что-то стряслось.

– М-да. Пожалуй. А кто был последним владельцем этой книги? – перевел разговор на другую тему мужчина.

– Мне сказали: книга из личной библиотеки какого-то известного архитектора. Правда это или нет? Я его почерк не знаю! – Продавец начал пролистывать страницы. – Владельцы книги посвятили ее изучению не один год. В двух словах история ее такова. Из Китая в Среднюю Азию книга попала в 751 году, после битвы в Таласской долине между войсками китайского полководца Гао Сяньчжи и наместника Аббасидского халифата Абу Муслима. Затем ее хозяином стал визирь халифа Харуна ар-Рашида Джафар ибн Яхья, известный тем, что в 800 году он построил в Багдаде первую бумажную фабрику. Позже книгой долго владели потомки турецкого султана. В Россию ее якобы привез Абрам Петрович Ганнибал – прадед Александра Сергеевича Пушкина. Как известно, Ибрагим Ганнибал был сыном эфиопского князя – вассала турецкого султана. В 1703 году Ибрагима захватили в плен и вместе с братом отправили в султанский дворец в Стамбуле. Русский посол и разведчик Савва Рагузинский привез братьев в подарок царю Петру. После Ганнибала книгой владели его потомки. И Алек-

сандр Сергеевич Пушкин в том числе. Убедитесь сами. Вот его автограф, – ткнул пальцем продавец.

Мужчина недоверчиво посмотрел на автограф, знакомый по фотографиям, с чернильной кляксой вместо точки. Клякса выглядела совершенно свежей, словно ее только что шлепнули на бумагу, и это вновь вызвало у мужчины приступ скептицизма.

– И чего же желал Александр Сергеевич? – иронично спросил мужчина.

– Тут – славы! – показал пальцем торговец. – А тут – любви Натальи Гончаровой! Видите, запись на французском языке? Одно из последних желаний поэта.

– Ну, а прадед Пушкина, он что же, ничего не желал, дожив до девяноста лет?

– Записи в книге делал его брат, крещенный Алексеем, – ничуть не смущаясь ироническим тоном мужчины, ответил торговец. – Видите, между древнерусскими записями две строчки арабской вязью. Известно, что брат Ибрагима Алексей карьеры не сделал. Служил гобоистом в Преображенском полку. Женился на крепостной ссыльных князей Голицыных и последний раз упоминается в источниках в конце 1710-х. Один из исследователей книги предположил, что, зная ее силу, Алексей пожертвовал собой ради брата и ценой своей жизни выпросил ему карьеру.

– Исторический триллер! Почему же Пушкин не попросил победы на Черной речке?

– Не успел. Пока не выполнено одно желание, нельзя записывать другое.

– Ловко! За один только автограф Пушкина вам заплатят состояние!

– Я вам рассказываю только то, что рассказали мне! И не утверждаю, что это правда! А насчет – продать... Книгу нельзя продать. Тот, кто продает ее, автоматически признает себя ее прежним владельцем. Мне пояснили, что если следующий владелец книги сделал запись своей рукой, то книга будет принадлежать ему до смерти. Даже если кто-то запишет желание в книге, помимо него, время все равно вычитается из жизни ее владельца. Поэтому тот, кто её продает, продает вместе с ней свою жизнь – желания другого человека все равно записываются, так сказать, на счет владельца.

– Допустим! А кто еще владел книгой?

– Трудно сказать. Судя по почерку, последние триста лет в России книгой владели человек десять. Здесь вот кто-то просит место министра. Затем проклинает тетрадь. Можно предположить, что он заплатил за пост жизнью. Последний владелец книги просил, чтобы у его брата всё получилось. На этом запись обрывается.

– У вас есть ручка, – спросил мужчина после долгого раздумья.

– Есть. У вас появились желания? Тогда, может все не так плохо? – торговец улыбнулся, протягивая одноразовую ручку.

Незнакомец что-то быстро набросал в тетради.

– Желаю удачи! – сказал торговец. – Вот вам моя визитка на случай, если захотите сделать заказ. Вся эта история галиматья, конечно. Но, честно говоря, любопытная галиматья.

Мужчина распахнул визитку и книгу по карманам пиджака и вдруг вспомнил.

– Послушайте, а если желание сбудется, как я узнаю, что это не совпадение? Как я узнаю, что с моего счета, то есть с моей жизни, вычли время?

– Смотрите в зеркало. Зеркало все скажет. Мне объяснили так.

Мужчина махнул на прощание торговцу, опять засунул руки в карманы брюк, зябко втянул голову в плечи и отправился к Смоленской площади, решив: на свете много чудиков.

2

По Садовому кольцу проносились автомобили, словно ошалев от свободы, после дневных пробок. У МИДа, на решётке вентиляции метро, обнявшись, спали два бомжа в лохмотьях. Мужчина помедлил мгновение. Достал из кармана все деньги, что у него были – будущему покойнику деньги не нужны! – и запихнул скомканные ассигнации в карман ближнего к нему

нищего, что обнял товарища сзади. Бомж беспокойно пошевелился и снова заснул. Мужчина отправился дальше.

Через подземный переход он пересек площадь вниз к набережной Москвы-реки.

Незнакомец ощущал спокойствие, какое бывает, когда важное решение принято. Он вдруг понял, что за последний час перестал бояться будущего – страх, который мучил его все месяцы без работы, отступил! – и мужчина снова распоряжался своей судьбой.

Тут незнакомец вспомнил единственный в его жизни бой. В узком ущелье БМДРы их роты едва успели развернуться в круговую оборону, как он сначала догадался, а лишь затем почувствовал, что ранен: пуля пробила легкое навывлет. В ташкентском госпитале он узнал, что из роты выжили двое: он и старослужащий Стёпа Краев – из родных у того была только мать. Стёпа отстреливался, перебегая от пулемета к пулемету, пока его не накрыли минами; но подоспел десантный батальон. Ему и Степе дали по ордену Красной Звезды. На «гражданке» Стёпа крепко запил. Что стало с ним дальше, он не знал.

Мужчина навсегда запомнил спокойствие предсмертного мига – в момент смерти умирать не страшно. Поэтому сейчас его беспокоила лишь реакция организма на ледяную воду и спазмы удушья, когда он станет захлебываться.

Вдоль запаркованных у тротуара машин мужчина спустился на безлюдную в этот час гранитную набережную под Бородинским мостом – конструкции архитектора Романа Клейна (профессиональная память оживляла необязательные сейчас имена).

К досаде самоубийцы, под мостом не оказалось спуска к воде. С противоположного берега Москвы-реки на черной беспокойной воде змеились отражения рыжих и белых огней неоклассического здания Киевского вокзала. Согласно семейным легендам, одним из его проектировщиков был дальний родственник нашего героя – Вячеслав Олтаржевский. Ассоциативный ряд увел его мысли от самого архитектора к его учителю – Отто Вагнеру. В памяти поплыли не имевшие отношения к австрийскому сецессиону резиденция Шёнбрун, памятник Марии Терезии...

Незнакомец отогнал неуместные ассоциации и огляделся. Поодаль к воде вели ступеньки. По тротуару он спустился к реке.

М-да! Он крайне необдуманно выбрал место: через реку от вокзала на самоубийцу словно бы с незримым осуждением взирал знаменитый пращур; справа в отдалении темнели арки метромоста, под которым мужчина еще студентом сидел на набережной, болтая ногами, со своей однокурсницей, тогда будущей, а ныне бывшей женой.

В родном городе каждый дом или трещина на асфальте – это старые знакомые, которые знают о тебе все. Может, потому многие самоубийцы для исполнения собственного приговора предпочитают интимное уединение шести стен, бутылку водки залпом, чтоб забыться, перед выходом на крышу высотки, либо едут подальше от молчаливых свидетелей их непутевой жизни – скрываются от знакомых трещин на асфальте и домов...

Опять же, вернулся к действительности мужчина, неизвестно – глубоко ли здесь? Проскоблишь башкой дно, и наутро назло медсестрам очухаешься в белом скафандре в одной из московских травматологий, тем же безработным стариком, как накануне, но с переломом шеи.

Мужчина выдернул из кармана галстук: подойдет вместо веревки! При размытом свете фонаря тщетно искал глазами отбитый бордюрный камень или какое-нибудь грузило – Муму вроде бы так кончали! Но ни камня, ни другого балласта не нашел. (Не тащить же было с собой из дома через весь город в офис глупого Yurrie гирию!)

Тогда мужчина решил топиться, как есть – в одежде и туфлях, чтобы, набрав воды, вещи скорее утянули на дно. Он застегнул пиджак, коротко выдохнул, как перед подходом к гимнастическому снаряду, и ступил на край парапета. Отчаяние прошло, и теперь мужчина из упрямства хотел узнать – сумеет ли он хоть сейчас завершить задуманное?

Главное, ни о чем не думать и мысленно ни с кем не прощаться...

За спиной послышалось шарканье.

Под аркой пристроился какой-то жлоб в костюме. Он издал паскудные раскатистые звуки и, сладострастно матерясь сквозь зубы, испортил торжественную минуту. Жлоб, застегивая брюки, пригляделся к долговязой фигуре ночного «моржа».

– Славка? – не доверяя скудному освещению, спросил он. – Олтаржевский? Ты, что ли?

– Ну! – недовольно отозвался самоубийца. – Я!

– Во так встреча! А я ща еду и думаю, куда этот черт пропал? Сам Бог мне тя послал! Полезай в машину! Я ща руки сполосну!

– Гусь, ты что ли? – Олтаржевский поговору узнал институтского друга: родившись в Москве, Арон Гуськов по невнятной причине экономил буквы в словах.

– Я! Я! Натюрлих, – играя русскими и немецкими смыслами, весело оскалился Гусь.

Кряхтя и незло матерясь, он потянулся к воде. Хотел было лечь пухлым пузом на грязные ступеньки, но вовремя спохватился и не лег.

– Ты ссал тут, что ли? До воды граблями не дотянуться, – подосадовал Гусь и, косолапя, просеменил вверх по лестнице, на ходу бросив так, словно приятели только что вышли из машины: – Чего замер? Поехали!

Олтаржевский потоптался, не зная, что делать – остаться или идти? Он недобро хмыкнул: даже собственное самоубийство обернулось фарсом. Представил себя со стороны и прерзительно процедил: «Старый осёл!»

Когда Олтаржевский вразвалочку одолел лестницу и вышел к черному лимузину, водитель в лакированных штиблетах, отклячив зад и придерживая галстук, чтобы не облиться, у обочины поливал из бутылки ладони хозяину. Гусь нагнулся, закинув галстук на плечо. Поодаль по сторонам квадратного «Мерседеса», похожего на катафалк, четыре здоровенных парня в зимних кожаных шагнули было к Олтаржевскому, и еще четверо у другого «мерина» насторожились, но Гуськов лениво осадил: «Свои!» И смачно харкнул.

Только тут Олтаржевский сообразил, что Гусь пьян, и потому обычно тихий – насколько помнил его Олтаржевский по институту, – сейчас заметно оскотинился.

Гусь, отфыркиваясь, сполоснул лицо.

– Лужок – мудака! В городе даже отлить негде! Ну, здорово, брат! – Гуськов оскалил великолепные фарфоровые виныры и, мокрыми руками обнял приятеля.

– Это «Майбах»? – рассеянно спросил Олтаржевский.

– Ага. В Москве такой есть у меня и у Жирика. Полезай с той стороны. Не засри сиденье.

Охранник услужливо открыл Олтаржевскому дверь, и гость утонул в кресле, чем-то напоминавшем кресло-трансформер стоматолога, но уютнее. В светло-бежевом салоне, обитом неведомым Олтаржевскому материалом, было тепло, пахло дорогим парфюмом и ничем не перебиваемым запахом глицерина, исходившим от Гуськова.

Откуда-то из-под локтя Гуся выплыли стопки с золотыми императорскими орлами, а к груди Олтаржевского услужливо придвинулся маленький столик.

В матовом свете Гусь ощущал приятеля насмешливым взглядом.

– Чего уставился? – сердито проворчал Олтаржевский.

– Каким ты был, Ржева, таким остался: прямой, как палка! Откуда ты взялся? Топился, что ли?

– Типа того... – неохотно отозвался Олтаржевский, краснея.

– А почему без пальто? В пальто удобнее. Набухнет и сразу на дно! Правда, в этом месте воробью по колено! Проиграл пальтишко в казино?

– Забыл в конторе, где нанимался.

– Как забыл?

– Психанул. А возвращаться стыдно. Да и не к чему.

– В вахтёры нанимался? Ты в этом костюме, как лох с Черкизона. – Гусь отвинтил крышечку с коньячного горлышка и разлил по стопкам. – Чё мне не позвонил?

– Звонил. Номер не обслуживается. А через твоих ротвейлеров не пробиться.

Гуськов поднял стопку, и приятели махнули за встречу.

– Держи! – Гусь бросил на подлокотник визитку в платиновом тиснении.

– Не надо.

– Ты, Слав, за тот случай не обижайся. Заманали меня все. Пока гол, как сокол, никому не нужен. А только бабки появились, вся шелупонь, как мухи на говно слетелись.

– Замяли! – примирительно сказал Олтаржевский.

...Еще на первом курсе ВГИКа Ржева сошёлся со старшекурсником Гусём в любви к Фасбиндеру и Кафке. Олтаржевский, защищая Гуся, жестоко подрался с монгольскими стажерами-кинематографистами, приехавшими в Москву по обмену. Будучи младше, он опекал Гуся, как старший. Из одной кружки на двоих они запивали «балтийский чай» – кокаин с водкой – дефицитной краснодарской «Пепси», что возил из дома в авоськах иногородний приятель Олтаржевского. Они забивали косячки духовитой южной конопли, «пялили» лимитчиц в разных комнатах одной квартиры. Фарцевали – мечтали разбогатеть и снять фильм. В итоге обоих «свинтили» гэбэшники: отец Ржевы, в то время зам главного редактора «Московской правды», а теперь нищий пенсионер, отмазывал. Еще раз выручать Гуся пришлось в начале «перестройки». На него подали два иска за неуплату долга. Дело замяли «в связи с изменением обстановки».

У Аркадия всегда был свой интерес к Ржеве: помимо папы, партийного газетчика, дружба с потомком знаменитых архитекторов из интеллигентной семьи сама по себе – плюс в антисемитском советском обществе.

На время они расстались. Ржева «сбежал» в Афган. Гусь, поработав режиссером областного театра, вернулся в Москву. Они с Ржевой посменно таксовали на купленном вскладчину четыреста двенадцатом «Москвиче» и уже понимали, что в жизни пора что-то менять: режиссура Международного фестиваля молодежи и студентов или московских игр Доброй воли стабильного дохода не давала. Олтаржевского уже тогда восхищало, как талантливо приятель сговаривался с нужными людьми, чтобы достать недоступное.

Олтаржевский «ушел в науку». Гуськов открыл кооператив и куда-то исчез. Появился он, как следовало из газет, на подступах к Кремлю, приятелем Лужкова.

Тогда-то на одном из московских тусняков по поводу вручения медийной премии «Обложка года» Ржева впервые за десятилетие его и встретил.

В сад «Эрмитаж», где проходила церемония, Олтаржевского «затащила» жена – по протекции свекра она работала выпускающим редактором еженедельника.

Это была обычная московская «движуха»! «Русская ракета» Павел Буре скучал во втором ряду со своей вечно молодой мамой Таней. Гламурная Юля Бордовских с подружкой дефилировала в антракте по проходу театра. Глызин завистливо – почему он, а не я на сцене? – пожирает глазами Олега Газманова, крутившего кульбиты под своих «Скакунов». «Король гламура» парикмахер Зверев на чудовищных платформах ломался на сцене среди детишек, радостно пинавших воздушные шары. Воздыхатели Эсмеральды исполняли арию, навязчиво вливая в уши народа всеми радиостанциями Москвы.

Олтаржевский маялся в первом ряду: еженедельник жены победил в какой-то номинации, и организаторы рассадили лауреатов ближе к сцене.

Тут к микрофону торжественно вывели спонсора мероприятия господина Гуськова. Некогда – Аркадия Сергеевича, а ныне – Арона Самуиловича. Ведущие приветствовали его со лстивым юмором. Приглашенные гости – оглядели со снисходительным презрением. Гусь кивнул Ржеве (Олтаржевский почувствовал на затылке жжение сотни любопытных взглядов.) Но так и не подошел к старому другу. Ни в зрительном зале. Ни на фуршете «а ля шведский

стол». Олтаржевский со свойственным ему самоедством заключил, что, вероятно, тогда на нем, Олтаржевском, стали проступать, как лишайные пятна, первые признаки неудачника, вскоре ставшие очевидными не только для его жены.

Олтаржевский разговаривал с Павлом Буре о его отце Владимире, легендарном олимпийце Мюнхена – позже Олтаржевский замечал в зрачках у публичных знаменитостей такое же, как у Буре, льдистое отчуждение при разговоре с посторонними. Гусь заглянул в зал, кивнул всем, и куда-то ушел с «усатым нянем», «забыв» о Ржеве.

Оказалось, помнит, коль первым заикнулся о той встрече!

– Я навел о те справки! – Гусь деликатно покосился на приятеля. – Ты директором в издательском доме работал. Серьезное предприятие с приличным оборотом! Чё ушел? Даже не подстраховался – место не подыскал!

– Генеральный, старый алкаш, возомнил себя Мердоком. Его дочку вызвездило от папиных денег. Я им сказал, что думаю о них...

– Узнаю тебя, Ржева! – хмыкнул Гусь. – Чем занимаешься, кроме газетной пачкотни?

– Да так... Роман думал попробовать...

– Значит, ничем! Пойдешь ко мне в компаньоны?

– Гусь, ты резвишься спьяну. А мне завтра что-то жрать надо.

– Я о серьезном деле говорю! Я тебе звонил – телефон вне зоны. Твои жены не знают, где ты. А твои коммунальные гоблины с похмелью не вспомнили, кто ты.

– Что за спешка? – обескураженный осведомленностью Гуся, спросил Олтаржевский. – Я все равно в твоих делах не смыслю.

– Мне не нужно, чтобы ты смыслил! На меня смыслящих пол-Кембриджа пашет. Вторая половина – генеральское гэбьё. Толку-то! Ша такая свистопляска начнется! – он вздохнул.

– Гусь, говори прямо – тебе зицпредседатель Фунт нужен? Сейчас с улицы даже продавца в ларек не берут!

– Опять ты в лоб садишь, Ржева! – поморщился Гусь. – Дурацкая привычка! Отвыкай! В бизнесе и политике так не принято! Слава, ты здесь, потому что мы с тобой спина к спине плющили узкоглазых. С твоими мозгами ты бы давно министром печати был. Я ж помню, как за ночь ты на спор выучил сорок восемь падежей табасаранского и семьдесят префиксов хайда? Но в жизни к мозгам нужны связи. И свои люди.

Гуськов посмотрел в окно. Олтаржевский невольно – тоже. «Майбах» плавно плыл по Софийской к Раушской набережной. На фоне черного неба за зубчатыми стенами Кремля мрачно высились купола церквей.

– Что скажешь о моем предложении?

– Ничего.

– Боишься? Значит, слышал, что Кремль на меня жмет!

– Не в том дело. Мог бы – помог. А так, какой с меня толк! В мои годы люди миллиардами ворочают или в академиях заседают.

Олтаржевский, как всякий следивший за новостями, знал о «семибанкирщине», куда затесался Гусь. Читал про делишки приятеля с московским мэром и о том, что мэр поссорился с президентом, а Гусь, в свою очередь – с РПЦ; читал о продаже «золотых» сертификатов Минфина банком Гуся и триллионном кредите от «Росвооружения». Но то – Гуськов «из новостей». Олтаржевскому казалось невероятным, чтобы Гусь, с которым они студентами вместе бухали, перелез за Кремлевскую стену.

– Ладно, о делах после, – сказал банкир, и приятели снова выпили.

Гусь высыпал на золотую пластинку белый порошок из резного портсигара.

– Будешь? – предложил он.

– Нет. Башка без кокса, как в тумане! Пожрать бы!

– Мы сейчас в «Националь». Отметим свидание! Можно в «Сирену», – он вопросительно посмотрел на приятеля, – но ты, вроде, рыбу не жрешь. Или в «Царскую охоту»...

– Нет. Тебе к дому близко. А мне потом черт-те куда ползти!

– Чудак! Тебя доvezут! – усмехнулся Гусь. – Как знаешь!

Он по-жлобски воткнул в нос трубочку из стоцолларовой купюры и длинно втянул воздух. Его умные слоновьи глазки заблестели.

– Лекарство против страха, – благостно прорычал он.

После Арбата Олтаржевский был, как в кумаре, и никак не мог собраться с мыслями.

– Тетрадь! – вдруг осенило его.

– Чё-чё? – Гусь насторожено уставился на приятеля.

Вячеслав Андреевич выхватил из кармана тетрадь в кожаном переплете. Распахнул. Проллистал. Там его почерком, деревянным на морозе, было написано: «Хочу разбогатеть и вкусно поесть».

Час назад, на Арбате, Олтаржевский забыл о шутке прежде, чем закончил выводить последнюю букву своего желания! А сейчас его продрал озноб, как в момент, когда пальцы впервые коснулись тетради.

Вячеслав Андреевич испугался, что сходит с ума. Еще раз перечитал запись и мысленно отмахнулся: «Совпадение!» Мнительность – следствие неустроенности, одиночества...

Он выпил еще коньяка. Страх притаился, но не ушел.

«Майбах» через Большой Москворецкий мост по Кремлевской набережной и Боровицкой площади выехал на Моховую улицу и мягко застыл у красиво освещенного эклектичного здания гостиницы «Националь» проекта архитектора Иванова.

Олтаржевский, как бумажный змей, вывалился в услужливо открытые двери и удивился, что едва стоит на ногах. Но мысли были ясными.

– Гусь, ты кокса в конину насыпал?

– Молодильных яблочек, Слава! Соберись! Первый удар сейчас пройдет.

Гусь улыбнулся и приобнял приятеля за плечи.

Швейцар в форменном пальто с меховым воротником, в цилиндре и в белых перчатках с легким поклоном открыл посетителям высокие двери. Гуся здесь знали.

Они прошли холл с кариатидами и витражами и поднялись в ресторан с расписным потолком и богатыми занавесями на окнах.

В зале было людно. Кто-то кивал Гуськову, кто-то здоровался с ним за руку. К ним уже поспешал метрдотель. Олтаржевский пьяно уставился в толстую спину приятеля.

Позже он не мог вспомнить, как оказался у столика в глубине зала. Но увидев эту женщину, он на мгновение протрезвел, словно его окатили ледяной водой!

Его поразили её глаза! Удивительно голубые и чистые! Глаза, смотревшие с любопытством ребенка, который не перестает удивляться, как чуду, каждому новому человеку. У нее был спокойный взгляд девочки, не знавшей людской низости. Каре светло-русых пушистых волос придавало ей сходство с первоклашкой на школьной линейке, первоклашкой, твердо намеренной учиться только на пятерки.

Он прищурился, чтобы рассмотреть незнакомку.

Ее ухоженные руки казались выточенными из слоновой кости. Олтаржевский плохо разбирался в драгоценностях, но догадался, что на женщине был дорогой гарнитур из белого золота и бриллиантов. Спутник женщины, кругленький, остроносенький и обыкновенный, в пошлых золотых запонках и с золотой булавкой на галстукe, едва приподнялся на стуле и дернул Гуськова за руку – поздоровался.

– Кто это? – спросил Олтаржевский, когда приятели уселись за сервированный стол у окна с видом на Исторический музей: Гусь угнездился в кресле так, что Олтаржевский через его плечо мог видеть пару.

– Шерстяников. Сенатор. Бывший гэрэушник, – сквозь зубы процедил Гусь и сердитым взмахом воткнул салфетку за воротник. – С моих рук кормился. А теперь жопу от стула не отодрет. Знает, что меня топят. Гнида продажная!

– Я не про него! Я про женщину!

– А! Ольга Валерьяновна? – голос Гуся потеплел. – Его жена. Замечательная женщина. Повезло лоху. Помнишь «Анну на шее» Чехова? О них! Кабы не Ольга, сидел бы в своем Мухосранске! Они с женой президента в молодости санитарками работали. Один университет окончили. В разные годы. Познакомились с ней, когда Ольга у деда с бабкой в Калининграде жила. Её отец в разведке служил, по границам мотался. Не пьялся, Ржева! Не про тебя женщина! Бомжи с помойки ее не интересуют! К тому же, говорят, она любит мужа.

Пьяно ухмыляясь, Ржева достал тетрадь, попросил у Гуся ручку – тот протянул «наливперо» с бриллиантом – и что-то быстро набросал.

– Что ты там пачкаешь? – спросил Гусь, стараясь заглянуть поверх руки.

Олтаржевский самодовольно промолчал.

Почти немедленно (или это только казалось Олтаржевскому в загустевшем времени?) им принесли белужью икру с блинами под сметаной и перепелиными яйцами с зеленым луком, суп-крем из лесных грибов с картофелем и луком порей, морские гребешки с ароматом трюфеля, с муссом из сельдерея и соусом из лука шалот.

Олтаржевский отродясь не слыхивал мудреные названия блюд. Гуськов попросил улыбчивого официанта удовлетворить любопытство приятеля. Паренек в форменной тужурке вежливо называл кушанья.

На горячее подали лососину, запеченную с грибами шиитаке на цуккини по-тайски, и медальоны из телятины с соусом тартар.

Не разбираясь, что чем едят, Олтаржевский сметал все двузубчатой вилкой для лимона, предпочтя ее длинному прибору для лобстеров. Он отказался от десерта – черничного парфе с муссом из белого вина и в рубашке из горького шоколада со свежей голубикой: наелся! Так же как отказался и от арманьяка из дома Chabot, Napoleon Special Reserve, остерегаясь, как бы Гусь не насыпал туда еще какой-нибудь дряни.

Гуськов ел, сноровисто пользуясь столовыми приборами. Он сопел и причавкивал, как сопел и причавкивал в студенческой молодости.

О деле он заговорил не спеша, по подobreвшему взгляду приятеля определив, что тот насытился, а по помрачневшему – что протрезвел.

– Нравится пейзаж? – спросил Гусь, легонько взбалтывая арманьяк на дне фужера и с закрытыми глазами обоняя его аромат большим чувственным носом.

Олтаржевский покосился на площадь. Перед музеем гуляли редкие прохожие.

– Пейзаж как пейзаж! – проворчал он, решая, есть десерт или не есть – потом будет жалеть, что не съел! – и придвинул к себе диковинную штучку.

– Помнишь, как мы с тобой в общаге у пацанов жрали польские сосиски? От них вода была ядовито-розовой. А черный горбыль запивали однопроцентным кефиром?

– Я и сейчас его пью. Люблю.

– А я знаешь, сколько сделал, чтобы мы с тобой не там шлялись, – кивнул Гусь за окно, – а сидели тут! И жрали не тухлые сосиски, а ели то, что едят порядочные люди.

Олтаржевский промолчал.

– Слав, мне пора валить отсюда! – мечтательность в слоновьих глазах Гуся сменили стальные искорки. Он навис над столом толстыми плечами, тихонько вращая пальцами фужер. – Но все сразу бросить нельзя. Нужно разрулить дела. Для этого требуется надежный человек. Ты! Потому что любой на твоём месте начнет хапать, а времени на это нет. Путинская компания скоро отожмет дело. Затем они примутся за других. А как только расчистят место у кормушки, Россию-матушку обглодают по косточкам.

Олтаржевский pokrивил губы, представив, как «обгладывают» матушку. Еще студентом Гусь любил пышную фразу, не задумываясь над смыслом сказанного.

– Что это ты про матушку-Россию вспомнил? Обидно, что от кормушки подвинули?

– При чем тут это? – насупился Гусь.

Олтаржевский почувствовал прилив пьяной злости. Ничего хорошего это не сулило.

– Думаешь, я нищеврод, тебя в жопу целовать буду за твою милость? Наплевать мне, Гусь, кто у власти: Пётр первый, Путин или ты. Я на досуге книги по истории листаю – времени у меня навалом. В двух словах знаешь, к чему она сводится? Мир поделили на Западе арии, а на Востоке – славяне. И так будет, пока мы живы! С тобой или без. Что ты со своими миллиардами сделал для страны, за что тебя пожалеть надо и впрягаться за твой жидовский гешефт? Уйдешь ты, придет другой! Такой же! Извини за прямоту!

– Еще один Проханов выискался! Тот меня в своей помойке полощет! Теперь ты!

– Извини! Сам нарвался. Твой кокс в башку шибанул.

Гуськова мало интересовало чужое мнение. Он знал, как меняется человек, хоть раз соприкоснувшись с властью огромных денег, и давно понял, что доказывать нищим озлобленным людям ничего не надо. Да в общем-то среди его знакомых таких давно не осталось. Но Слава был его другом, и Гуськов счёл нужным ответить.

– Почему у вас, кацапов, во всём жида виноваты? Вы сами-то – стадо баранов, что ли? При чем здесь Запад и Восток? На моем месте ты делал бы то же самое! Хапал, пока дают! Не так, что ли? Обрати внимание – в России, кроме иностранцев, которым есть куда валить, никто ничего не строит. Одни магазины. Потому что здесь нет законов! У Путина на меня зуб вырос. Ну, не у него, а... в общем, не важно. Они утверждают, что я передал на Запад компромат на обе семьи. Утверждают, что я настроил против России штатников и евреев. Тоже мне Сороса слепили! В действительности все проще: им повод нужен, чтобы отжать дело. Бизнес и политика – это как жизнь в коммуналке: кто-то с кем-то против кого-то дружит. А экономика, как семейный бюджет: чё заработал, то потратил, взял в долг – отдай! Людишкам кажется, будто наверху боги живут! А там те же слизняки, которые гадят и тухнут в могилах, как все! Только денег и власти у них больше, чтобы сделать так, чтобы мы с тобой протухли быстрее.

– Ты действительно передал? – недоверчиво спросил Олтаржевский.

– Не будь наивным, Слав! Ну, узнают кухарки, что к Чубайсу америкосы из посольства приставлены, ну и что? Нынешних крыс через год забудут. Насчет пользы, ты прав, – он насупился, – мало я для России сделал. Яйца Фаберже и пару картин для музея – пшик! А кому давать? В детдома? В медфонды? Даю! Растаскивают! Такие же, как ты, болтуны!

– Не тем даешь!

– Вот и докажи. Вы везде скулите, что жида продали Россию. Что русскому человеку хода нет. Хотя в России живут... да кого тут только нет! Научи, как честно зарабатывать! Как приносить пользу людям, а не только набивать свой карман.

– Я не бизнесмен.

– Тогда не п...и! – разозлился Гуськов и тут же насмешливо посмотрел на приятеля. – А хочешь, я из ты Нобелевского лауреата сделаю?

– Не корчи из себя Бога!

– Я тя умоляю! Всё денег стоит. Знаешь, сколько бабла вбухали в Шолохова, чтобы у СССР свой лауреат появился?

– Читал. Мне это неинтересно.

– За те деньги человека на Луну послать можно. Ты думаешь, шведские коммуныки просто так в своих газетах о донских казачках трубили? Шведы о них даже щас не знают! Хаммершельд, цереушник сраный, пропихивал в Шведской академии дружка своего, Пастернака, а КГБ – Шолохова. Восемь лет коптели! Эт, брат, политика! – Гусь вздохнул.

– А тебе что за печаль? Сам претендовал? – хмыкнул Олтаржевский. – На фига мне! Знал бы ты, сколько я влупил в Зибельтруда и в Шлему Мордуховича, чтобы слепить из них гениев. Толку-то! Пачкают потихоньку Гоголи недоделанные, а мыслят, как местечковые равнины. Ладно, это лирика! Программу «Куклы» смотришь?

– Нет.

– Я те ссылку скину. Глянь! Сюжет про «Крошку Цахеса» по Гофману. Там уродец волшебством охмуряет людей и приходит к власти. Уродец Цахес – кукла Путина. Все считают, что мои проблемы начались с Цахеса!

– А в действительности?

– Я ему сказал, что без поддержки моего канала он просрет выборы! Мы Ельцина и его к власти привели! На наши бабки! – Гусь полушёпотом пересказал разговор в Ново-Огарево. – А он таких слов не прощает. Увидишь, Слав, он еще весь мир на уши поставит! Борька, обкомовский лис, всем такой орешек подложил, что обломают зубы грызть!

– Ты, Аркадий, много где перегнул, – задумчиво покивал Олтаржевский. – Зачем ты Касьянова «Миша-Два-Процента» дразнил? На софринских батюшек залу... ся: ну водку из-за бугра возят – ну и что? Не у твоих же раввинов тырят? Зачем «Последнее искушение Христа» вздумал крутить под Пасху в православной стране! Это ж тебе не коммунальная кухня. Какая-никакая – власть! Хорошо, башку не отбили!

– А что я такого сделал? – вяло огрызнулся Гусь. – Правду сказал? В Германии президента за чужой абзац в диссере сняли. А наш под самолет ссал – и хоть бы хны! Во Франции «Гиньоль дель инфо» двадцать лет по телику крутят. В Англии «По образу и подобию» – двадцать пять. А мне после эфира из Кремля звонят! Мол, свинья я неблагодарная, мне подняться дали, а я людей обгадил!

– погоди! Тебя сажают, что ли?

– У тебя даже рожа засияла от счастья! – обиделся Гусь и поерзал. – Хрен их знает! У них там тёрки за власть идут! Свинтив меня, Вэвэ свои аппаратные дела решит. Вытравит, как он говорит, «гнилостную бактерию» в организме российского государства. Богатых у нас не любят.

– Богатых нигде не любят!

Гусь снова поерзал, пытаясь придвинуться, но мешал стол.

– Потому-то, Слав, ты мне нужен. Именно такой, какой есть! Порядочный! Вне стай! Чтобы их подковерные игры не знал и никого не боялся, – он сделал нажим на «их».

– Гусь, я не пойму, ты – прикалываешься, что ли? Я не знаю ни твоего бизнеса, ни людей во власти. Я не знаю элементарных вещей, которым учатся годами. Со мной никто из твоих даже разговаривать не станет! Добродеев! Кошелев! Малашенко! Миткова! Парфёнов! И я! Не смехи! Быть главным редактором одной из твоих газет – еще куда ни шло! Но рулить огромным делом! Потом, откуда ты знаешь, что я не скурвился за десять лет? Почему решил, что не боюсь? Ты свалишь за бугор, когда припрут, а мне куда?

– Узко мыслишь! Они телевизионщики. Тебе к ним соваться не надо. Держи нос по ветру и осуществляй, так сказать, общее руководство! Станешь делать то, что я скажу, и всё получится. Завалить бизнес тебе не дадут. А там либо холдинг прикроют, либо я вернусь. Как бы ни сложилось, это для тебя трамплин вверх. С твоими связями тебя везде с руками оторвут! Главное, не зарывайся. Ну что – поработаем вместе? Как когда-то! Выслушай хотя бы, чем будешь заниматься! А там решишь! Всё равно топиться хотел!

Сытый Олтаржевский вовсе не думал портить удачный вечер досужей болтовней. Но Гусь выжидательно уставился на него.

– Гусь, когда ты нажрешься, из твоей башки бредятину ломом не выбьешь! Ну! Рассказывай уже! – недовольно проворчал Вячеслав Андреевич.

Гусь навалился на стол и заговорщицки понизил голос. Ржева – невольно наклонился вперёд. Оба напоминали алкашей, которые думают, что их не видно в детской песочнице посреди многоквартирного колодца.

Олтаржевский рассеянно слушал горделивое хвастовство Гуся о вещании за рубеж для ста десяти миллионов зрителей в СНГ, Балтии и США, о корпунктах в Берлине, Вашингтоне, Лондоне, Тель-Авиве, Париже, Риге, о закупках кино для телеканала, о кинопроизводстве, радиостанциях, журналах, газетах холдинга... Слушал и думал о том, что буквально час назад его могло не стать, а теперь, как ни в чем не бывало, он ужинает в дорогом ресторане бок о бок с женой неизвестного ему небожителя. Тот управлялся с едой, задрал локти, словно лабух в дешевом ресторане «зажигает» на рояле, и что-то самодовольно рассказывал женщине. Олтаржевский догадался, что невзлюбил мужичка, потому что ему нравится его жена.

Впрочем, ему бы сейчас понравилась любая баба! Даже молчаливое присутствие женщин в мужской компании, без обязательств и надежд, наполняет сиделки манящим смыслом. Олтаржевский устыдился было жлобства, но затоптал раскаяние: завтра он протрезвеет в коммуналке наедине с безысходностью, а сейчас хотя бы помечтает.

– Ты где витаешь? – набычился Гусь.

– Слушаю! Контролируемые орбиты, спутник «Бонум», мыс Канаверал... – повторил Олтаржевский пустую для него абракадабру.

– Ни фига ты не слушаешь! Если я откажусь, «Газпром» отожмет все за кредиты, как поручитель! Меня проглотят не закусывая.

– А должны закусить? – хмыкнул Олтаржевский над очередным ляпом Гуся.

– Не умничай! Пойми: мне неважно, чё ты умеешь! Мне важно – свой ты или чужой! Знаешь анекдот про Путина? Почему у него нет страницы в одноклассниках? Потому, что он всех своих одноклассников каждый день в Кремле видит! Я тебя, пустое место, битый час уговариваю на меня работать! А ты морду воротишь. Такой шанс выпадает только раз. Стоит мне икнуть, все Кошелевы Москвы сбегутся на эту должность...

– Ну и икай!

Гуськов откинулся в кресле и энергично потер лицо, будто разгоняя сон.

– Блин, кокса перебрал, что ли? Весь вечер провалы в башке! Как в машине о тебе вспомнил, так началось! О чем я? Да не пялься ты на нее! – вдруг рассердился Гусь. – Ты никогда ее не увидишь! Сгниешь в своей коммуналке... – и запнулся.

К столику вразвалочку косолапил Шерстяников. За ним, плавно покачивая бедрами, шла его жена. Супруги были одного роста. Но женщина в облегающем платье из парчи и на шпильках казалась на полголовы выше мужа.

– Мы домой, Арон Самуилович! – проговорил сенатор неожиданно низким командным голосом и радушно потряс руку Гуськову. – Желаю приятного, так сказать...

Гуськов покраснел от удовольствия. В галантном поклоне он поцеловал пальцы женщины. Она, не отнимая руки, повернулась к Олтаржевскому – он встал – и произнесла с милой улыбкой, негромким певучим голосом:

– У вас усталый вид. Как-нибудь приезжайте к нам. Мы принимаем по пятницам, – и, к удивлению мужчин, протянула ему визитку.

Олтаржевский растерялся. Поблагодарил.

Тут женщина побледнела и пошатнулась. Муж испуганно подхватил ее за локоть. Женщина мутными глазами огляделась, словно вспоминая, что-то. Пробормотала о нездоровье. Сенатор под руку суетливо повел её через зал.

– Видишь – подошел! А ты ругался! – недобро ухмыльнулся Олтаржевский, усаживаясь.

Гуськов тихонько барабанил пальцами и пьяно насупившись, следил за тем, как приятель задумчиво тычет визиткой мимо кармана, а затем ложечкой рассеянно выскрабливает из розетки остатки десерта.

– Как ты это сделал? – подозрительно спросил Гуськов.

– Что – это?

– Шерстяников весь вечер даже не смотрел на меня, и вдруг сам подошел.

– Ты не можешь знать, смотрел он на тебя или нет, – ты к нему спиной сидел.

– Не придуривайся! Появился, как черт из табакерки! Весь вечер только о тебе болтаем. Ольга визитку дала! А она своих-то не всех принимает. Тебя гэбьё прислало? – вдруг с пьяной злостью спросил он. – Ты еще в институте фокусы с гипнозом на тёлках показывал...

– Меньше ширяйся, Гусь! Если бы я умел, я бы тебя нахлобучил до того, как стал нищим!

Но Гусь не сводил с приятеля недоверчивых глаз. Олтаржевский подозрительно зыркнул по сторонам.

– Я сам ничего не понимаю! Обещаешь, что не будешь ржать?

Гусь кивнул утвердительно. Олтаржевский достал книгу и подал её приятелю. Тот повертел вещицу в пухлых ладонях. Олтаржевский, дотянувшись через стол, перелистал страницы и пальцем показал, где читать. Гусь пробубнил:

– «Хочу разбогатеть и вкусно поесть!» «Пусть жена сенатора подойдет к нашему столу и влюбится в меня!» Что это?

– Первую запись я сделал перед встречей с тобой! Вторую, когда мы сели за стол!

– Блин, Ржева! Тебе сколько лет? – раздосадованный Гусь вернул книгу Олтаржевскому и тщательно вытер пальцы салфеткой. – Хоть не смазали ядовитым говном, чтобы я ласты склеил?

– Каким говном?

– Фээсбэшным!

– Ты – идиот? Там автограф Пушкина!

– Кукушкина! – передразнил Гусь. Олтаржевский смутился: вымысел ему сразу показался глупым. – С тобой о серьезных делах говорят, а ты фигней страдаешь! Не хочешь говорить, не надо! Если со мной что-то случится, важно, чтобы мой телеканал как можно дольше опровергал любую дезу Кремля. Понял?

– А что с тобой случится?

– Всё, что угодно. Я перебрал. Пшли отсюда. Договорим завтра.

На улице Гусь через ноздри шумно втянул свежий воздух и посмотрел на черное беззвездное небо Москвы.

– Они что-то готовят против меня! Жопой чувствую! Путин в Испании. Генеральный прокурор с замами – разъехались! – Гусь обнял Ржеву. – Обещай, что не продашь меня!

Олтаржевский поцеловал Гуся в губы. Тот всхлипнул. Швейцар умильно смотрел на пьяное братание господ. Гусь, сопя, сунул ему в белую перчатку ассигнацию, и швейцар осклабился.

Гуськов приказал водителю везти Олтаржевского домой к станции метро «Площадь Ильича» и тут же захрапел на подголовнике.

За окном мелькала ночная Москва. В сознании Олтаржевского плавал клочковатый туман. Вячеслав Андреевич отхлебнул коньяк, и, подумав, запихнул бутылку в карман.

3

Олтаржевский нехотя поднялся в коммунальную квартиру на пятый, верхний этаж старого дома. От кухни перпендикулярно длинному коридору к паркетному полу прилип рыжий прямоугольник света. Краска на высоком потолке закоптилась, а черный клубок ветхой электропроводки, словно корни древнего дерева, пророс к электрощитам с пожелтевшими эбонитовыми стаканами.

Осторожно, чтобы не шуметь, Олтаржевский отпер металлическую дверь и скользнул в комнату. Какое-то время он сидел на табуретке у входа, закрыв глаза и не включая свет; в голове мелькали события странного вечера.

Матюги и грохот из коридора вернули Олтаржевского к действительности.

Он ненавидел свою коммунальную берлогу и её обитателей.

Из прежней жизни Олтаржевский забрал сюда лишь кота Джойса и стеллажи с книгами во всю стену. Уже здесь он приобрел ноутбук, компьютерный стол, диван, пару стульев и телевизор на кронштейне, вкрученном в стену.

Кота давно не было, а кошачий запах в комнате остался.

Если бы Олтаржевский умел, он написал бы о Джойсе книгу.

Олтаржевский подобрал бездомного котенка у подъезда, как раз в те дни, когда готовил сравнительно-типологический реферат по «Улиссу» Джеймса Джойса и «Петербургу» Андрея Белого. Черный котенок с белыми носочками и белой манишкой околевал от стужи и пропихивал человеку что-то предсмертное. В ответ Олтаржевский прошептал задумчиво: «Джойс?» И спрятал котенка на груди под меховой курткой...

Жена спорить не стала: какая разница – будет в доме один или два убогих?

Олтаржевский дважды спасал своему четвероногому другу жизнь. Первый раз, когда накормил, отогрел и отмыл кота – блохи, в панике от кошачьего шампуня, свисали гроздьями с усов и бровей жалобно пищавшего в ванной хищника; котенок сутки проспал у батареи, укутанный в полотенце. Второй раз Олтаржевский неделю дежурил в ветеринарной клинике на Арбате возле умиравшего Джойса – следил за капельницей, вставленной в аккуратно подбритую лапу. Кот сорвался с пятого этажа и отбил почки – Олтаржевский подозревал, что его сбросили квартирные алканы, присмирившие в ожидании возмездия.

В награду за жизнь Джойс был предан хозяину. После развода и размена квартиры Джойс презрел за предательство бывшую хозяйку и ее дочь и отправился с Олтаржевским в изгнание. Кот так и не смирился с соседством двух братьев-алкоголиков, их сожительницы и престарелой мамыши – семейка занимала три комнаты из четырех. Кот гадил по всей квартире, чтобы напомнить людям об их царском предназначении в природе. Но Олтаржевский прощал ему все!

Защищая хозяина, разъяренный кот, – хвост ёлкой, оскаленная пасть, шерсть на загривке дыбом, уши прижаты – шипел и кидался на соседей, где бы их ни встретил. Те таскали из кастрюли Олтаржевского пельмени, шарили в его холодильнике, гадили мимо унитаза. Дворовые люмпен-собутельники пробивались в квартиру-шалман, матерясь и загородившись шваброй от свирепой скотины. Когда братцы приходили к Олтаржевскому по-соседски одалживаться на похмелье, кот не пускал их дальше порога. Джойс ел с хозяином, спал с ним и «работал», растянувшись на письменном столе у ноутбука. Он провожал Олтаржевского на службу, усевшись у порога на задние лапы, и встречал под дверью – «слышал» хозяина еще у метро в двух трамвайных остановках от дома – а затем терся о ноги Олтаржевского, мурчал на всю комнату.

Соседи дважды травили Джойса, и он дважды выживал. Полгода назад кот исчез. С тех пор Олтаржевский не проронил ни слова с братцами – человекоподобным зверьем! – и готов был изжарить их на спичке.

Чтоб не «рвать сердце», Олтаржевский вынес из комнаты все, что напоминало о друге: его миски, игрушки, шест с дранкой, о которую кот точил когти. Но забыть его не мог и, возвращаясь домой, по привычке шарил глазами вокруг, словно Джойс вот-вот фасонисто выйдет и гордо потрется о ноги хозяина.

Стягивая пиджак, Олтаржевский нащупал в кармане тетрадь с тиснением.

Страх на миг заершился в груди...

Он вынул из кармана бутылку коньяка и воткнул её между книг на полке.

В дверь опасно поскребли. Так напоминали о себе братцы-алкоголики, «не помнившие зла», которое причинили соседу. Кровь с коньяком прихлынула к голове Олтаржевского. Он раздраженно включил ночник, прикидывая, чем бы навредить братцам. Взгляд наткнулся на тетрадь. С пьяной решимостью Вячеслав Андреевич схватил огрызок карандаша и... замер над страницей. В голове вихрились хмельные мысли. В ресторане он не вписал в тетрадь имена сенатора и его жены – мало ли сенаторов в этот час ужинало в ресторане! – тетрадь же угодливо исполнила его прихоть...

Он не знал, как погиб Джойс, но был уверен, что кот яростно защищался, и последней его мыслью была мысль о хозяине! В голове пронеслась месть, выпестованная за полгода: пусть изуверов постигнет участь Джойса! Но тут же он отшвырнул огрызок карандаша: Джойс – лучший друг, но он кот, а не человек; карандаш оставил лишь точку на шелковой странице, – и с силой потер виски: надо ж так было нажраться, чтобы поверить в чушь, что напел торговец старыми книгами! Гусь предложил работу! Сенатор с женой попрощались с ними! Ну и что? В жизни случаются спасительные совпадения!

Олтаржевский упал на диван и накрыл голову подушкой.

Сколько он дремал, Олтаржевский не знал.

В дверь поскребли еще раз. Чертыхаясь, Вячеслав Андреевич отворил.

Из сумрака показалась испитая физиономия одного из братцев – его, кажется, звали Вова; костлявый и в наколках от подбородка до треников.

– Помоги, друг! – вкрадчиво произнес алкаш сакраментальную фразу, неожиданным для его комплекции зычным баском. Олтаржевский дернул двери, чтобы закрыть. Но сосед схватился за косяк. – Не-не! Помоги Серегу из ванной вынуть!

Мутный взгляд алкоголика тревожно щупал лицо Олтаржевского. Сосед трясся то ли с похмелья, то ли от страха. Олтаржевский оттеснил Вову и шагнул к ванной.

Здесь жирная баба в халате, с лицом, как разваренный пельмень, тащила за руку голого мужика и сердито пришепetyвала: «Сережа! Выходи! Неудобно! Люди!»

Олтаржевский подвинул бабу. Тело мужика до подбородка сползло в кровавую воду. Со стороны его затылка кафель был замазан кровью. Сосед был мертв.

– Вызывай ментов и труповозку! – сказал Олтаржевский Вова.

– Уже? – удивился тот. – Только что орал. Может, в мешок его? – пробасил он, все так же тревожно ощупывая взглядом лицо Олтаржевского. – Черные такие! Ж-ж-жик, и готово! – затянул он воображаемую молнию от пупа до бровей.

– А дальше?

– Отнесем! А то легавые затаскают.

– На мусорку, что ли? Он же твой брат.

– Не. Ну... – алкан озадаченно поскреб затылок. Баба понуро вздохнула.

Олтаржевский из комнаты сам вызвал «скорую» и милицию.

Затем, не раздеваясь, рухнул на неубранную постель и, очевидно, заснул: он не сразу услышал, что в дверь постучали. Подождали и постучали настойчивее.

Проход загородил рослый крепыш лет тридцати в милицейской форме. Участковый. Олтаржевский лишь однажды видел его. Ночная щетина пятнами проступила на скуластом лице милиционера: как у китайца – отдельно усики, отдельно борода.

Участковый устало спросил Олтаржевского, где тот был с такого-то по такой час? – и, не разуваясь, уселся писать протокол. Спыхватился:

– Можно я у вас? У них даже стола нет. – Олтаржевский кивнул, спросив: «Что там?»

– Пьяный. В душе упал затылком об угол, а когда хватились, выломали дверь.

Милиционер говорил неохотно.

– Надо их матери позвонить. Она в Пензе у родни. Намучилась с ними! – сказал Олтаржевский.

Участковый кивнул и добавил то, что Олтаржевский и так знал: старший отсидел за кражу, покойный – хороший электрик, но запойный пьяница.

Парень спешил, а все равно получилось долго. Олтаржевский зевнул до хруста в челюсти. Сонный фельдшер в синем бушлате заглянул и спросил, можно ли «выносить»? В коридоре дробно затопали – на тесном пятачке несколько санитаров тащили что-то громоздкое. Участковый пальцем показал, где расписаться, встал, по-армейски пятернёй прилизав залысины, надел фуражку.

– Им никто не угрожал? – для проформы спросил он.

– Я угрожал! Убил бы их! Как они – котка моего! – сердито брякнул Олтаржевский и тут же пожалел: исповедоваться власти – наживать неприятности.

– Мы все кого-нибудь бы убили! – равнодушно отозвался милиционер.

– Может, кофе? – спросил Олтаржевский, чтобы сгладить неловкость.

Милиционер посмотрел на ручные часы.

– Можно. Мне – растворимый. Сейчас дам им подписать и вернусь.

Олтаржевский на кухне сполоснул чашки, налил воду в чайник.

Когда вернулся, милиционер закрыл тетрадь с теснением.

– Старинная вещица! Я полистал. Ничего, что опять без спроса? – спросил он.

– Вчера приобрёл. Продавец уверял – книга желаний! – отшутился Олтаржевский. Но на всякий случай убрал книгу в тень, чтобы не спотыкаться о неё взглядом.

Он подвинул гостю банку кофе и кусковый сахар. Подождали, пока закипит вода.

– Дрыхнут! Едва растолкал! – с брезгливой ухмылкой проговорил парень. – Вот народ! У них брат и муж зажмурился, а им хоть бы хны! Как вы с ними живете?

– Район нравится, – отшутился Олтаржевский и заполнил паузу. – Отсюда, из Лефортовской слободы, нынешняя городская Россия началась. До Петра у нас по-гречески, по принципу апопсии дома ставили. Не ближе четырёх метров друг к другу, чтобы улицы проветривать. Поэтому дома не вдоль красной линии стояли, а вразнобой. Но отрезать кусок улицы или теснить соседа не разрешалось. Даже помои сверху запрещали лить. Так вот, прямые улицы и дома с палисадниками здесь при Петре появились. Позже он приказал Невский и Вознесенский проспекты разметить, как в Лефортово – радиально. А поперек, веером – Фонтанка и Мойка. Как в Амстердаме каналы. Но наши, в отличие от Европы, лучи улиц вывели на «оптическую цель» – на шпиль Адмиралтейства. И проспекты расширили. А у них улочки узкие, чтобы к крепости не добраться. Москву уж потом по радиально-кольцевому принципу перестроили. Так что нынешняя городская Русь здесь, в Лефортово начиналась!

– Книг у вас много, – вежливо выслушав, огляделся парень. – В старых квартирах у людей много книг. В новых – совсем нет. Вы ученый?

– Кандидат наук.

– А я на юридическом. Заочно. – Он зыркнул исподлобья. – Говорят, вы воевали?

Олтаржевский кивнул:

– В Афгане.

– Я – в Чечне.

Они дружелюбно переглянулись. Помолчали, помешивая кофе.

– Давай на «ты»! – предложил парень.

– Давай! Коньяк будешь? Хороший.

– Если хороший, можно.

Хозяин достал с полки бутылку. Большими глотками допили кофе. Плеснул в чашки. Пригубили, облизывая губы, и тут же опрокинули махом.

– Схожу за закуской, – качнулся со стула Олтаржевский.

– Не надо. Тогда до утра не разойдёмся. Курить можно?

Олтаржевский подал с подоконника жестянку от консервов и открыл форточку – морозный воздух колыхнул шторы. Участковый с удовольствием затаился.

– Будешь расследовать? – спросил Олтаржевский.

– Что тут расследовать? Несчастный случай. Бытовуха.

– У-ку! – отрицательно боднул воздух хозяин. – Я его грохнул!

Эта мысль не давала ему покоя: захотелось выговориться «своему».

Участковый насторожился.

Олтаржевский рассказал, как в день смерти кота видел ключья шерсти в ванной, а сегодня, ставя точку в тетради, думал о мести, и братец предложил ему вынести труп на помойку, чтобы сэкономить на похоронах. Свой путанный рассказ пояснил:

– Так же они кота моего убили! Утопили и выкинули! Я записал желание, и оно сбылось!

Парень растерянно взглянул на хозяина. Затем снисходительно покривил рот.

– Пропусти следующую. Укачивает, – сказал он. Олтаржевский покраснел.

Парень снова затаился сигаретой и покосился на приунывшего хозяина.

– Далась тебе эти люмпены! У меня отчим наподобие тебя – книгочей. Выпьет и заводит про Алёшу Горшка – имя дурацкое! – про русскую душу. Чего удивляешься? Я его нудянку с детства помню. Я тебе так скажу! Ничего-то вы, интеллигенция, о народе не знаете! Пишете о нём так, как если б сами лапти надели. Херня это все, русская душа и все такое! Я на участке всяких повидал, хороших и плохих. У меня дед по матери – калмык, бабка – чувашка. А другой дед с бабкой – русские. Думаю я тоже по-русски. Ну и какая у меня душа: русская, калмыцкая, чувашская? Да и ты, судя по фамилии, не ариец. Так что, на каком языке думаешь, тот ты и есть!

– Витя! Что мы там делали?

– Ты – не знаю! А я за их трубу подышал – бабки нужны были. Только не заводи про Родину и за что ментов не любят. Пусть об этом п... ят, те кто там не был!

– Вот ты – власть...

– Да какая я власть? – покривился гость. – Жмуров фиксирую...

– И все же! Ты решаешь больше, чем простой человек!

– Допустим.

– Что бы ты сделал, если б знал, что тебе можно все и за это тебе ничего не будет?

Парень ответил с пьяной ухмылкой.

– То же, что и ты – убил бы!

Олтаржевский хмыкнул. Подлил. Выпили. Мент скривился. Его передернуло.

– Что за конина? Пьется легко, а вставляет, как сивуха! На болтовню пробивает! – Он повертел и понюхал бутылку. – С коксом, что ли?

Олтаржевский промолчал.

– Люди не меняются: злые никогда не станут добрыми! – убежденно сказал гость. – Что хочешь мне говори! Замечал, как взрослеют подростки? В них злость, как ген выживания, дремлет. Одни перерастают злобу. Другие звереют. Кто обдуманно убил – не раскается! Будет жалеть, что попался. Присмирееет. Но не раскается! Вот ты! Спасал бы их там? – Он кивнул на дверь. – Обирающих мать, мучающих жен, детей, соседей! Спасал? Без брехни!

– Что спрашиваешь? Сам знаешь!

– Правильно! Потому что не меняются люди с завета! В нас столько злобы – дай волю, в крови всех утопим.

Он снова зажгёт сигарету, нервно сломав две спички, и глубоко затаился.

– Что у тебя стряслось? – осторожно спросил Олтаржевский.

– Да так, – не удивился парень. – С женой развожусь. С чего бы я ночевал в кабинете? В Чечню из-за неё поехал! Хотел по-честному наскрести на хату! Ты-то чего без бабы?

– То же, что и ты.

Помолчали. Парень вдруг оживился.

– Я с ней в Венгрии был. Хорошо живут. Дома у всех каменные. Хотя не всё у них ладно. Но справляются. В Польше всё вылизано. В Белоруссии – тоже. А к нам вернулись – сорняки, валежник, развалюхи по земле! Ближе к Москве – богаче. Но в целом через жопу... – он отмахнулся. – Я после той поездки по-другому на всё посмотрел. Нам-то кто мешает? Сами в говне живём, а других учим! Мол, войну-у выиграли! В ко-о-осмос слетали! – пропел он. – Когда это было? Хватит о старом! За дело пора! Вот что бесит!

– А ты бы что сделал?

– Я? Не мешал бы людям! Оставил в покое! Только присматривал, чтоб всё по правде. А не так: что одним можно, то другим нельзя! Магазин бы открыл – рыболов-спортсмен. Охоту и рыбалку люблю. А то сам знаешь, у нас, что открой, все – кормушка для гнид!

Помолчал.

– Едем с ней как-то по России. К матери. Осень. За окном – грязь. Тут посреди кривых изб и серых заборов церковь. Беленькая, как кусок рафинада посреди навоза. Веками стоит! И стоять будет! Когда сгниют одни заборы и избы, и другие на их месте гнить будут! Глянул на ту церковь: хорошо на сердце, а кошки на душе скребут. Почему? Не пойму! – Парень подумал. – Если бы художником был, я бы посреди черного поля с избами и крестами ту беленькую церковь с золотым куполочком вывел. Вот тебе и вся русская душа! Как оттуда вернулись, часто об этом думаю!

– Что-то ты на мента не очень похож! – сказал хозяин.

– А кто из нас похож? – вздохнул парень. – Гнуться надоело! Мне б такую книгу, как у тебя! – Он поискал глазами. Затем посмотрел на часы и протянул: – О-о-ох ты! Времени-то! – Поднялся и надел фуражку.

– Хочешь, я напишу, чтобы у тебя наладилось?

– Кому? Ему? – участковый насмешливо показал глазами наверх. – Поспи! С недосыпа, как с похмелья, всякая херь в башку лезет!

Олтаржевский с пьяным упорством схватил карандаш и написал: «Пусть у него наладится». Парень заглянул через его руку, дружески хлопнул хозяина по плечу и ушел.

Олтаржевский посмотрел вслед на приоткрытую дверь. Переполз на диван и забылся, тем тягостным сном, когда в мыслях хаос, а в душе муть. Ему приснился сосед покойник, бледный, но без крови – иначе, по русским суевериям, быть беде. Олтаржевский испуганно сел на диване и уставился на грязные чашки на столе. Он взъерошил волосы, соображая, приснилось или правда – было! Поморщился: ломило в затылке, и тут же вздрогнул – зазвонил домашний телефон.

– У тебя легкая рука, – услышал он знакомый голос. – Сама ждала у кабинета. Говорит... Вячеслав Андреевич вспомнил об участковом и его жене.

– Слушай, звонят по мобиле...

– Понял. Ну, тогда привет Ему!

– Кому?

– Тому, с кем ты договорился! – пошутил участковый и бодро заговорил с кем-то.

– Вячеслав Андреевич? – спросил вежливый мужской баритон по мобильнику. – Я Бешев, помощник Гуськова. Арон Самуилович велел позвонить вам. Его задержали и увезли в Бутырку. Он сказал, вы знаете, что делать.

– Я? – растерялся Олтаржевский. – Это какая-то ошибка...

Помощник обещал скинуть смс с номером его телефона (на определителе номер не высвечивался), и связь прервалась.

Олтаржевский вспомнил про соседа. «Умер, что ли? Или приснилось?»

Он держал обе трубки и не мог понять, что происходит.

4

Детство Олтаржевского ничем не отличалось от детства городских мальчиков из интеллигентной семьи: ясли, детсад, школа. Мама преподавала английский в институте, отец – газетчик. В их двушку в Сокольниках на праздники набивались ученые, инженеры, журналисты. В накуренной кухне галдели обо всём: «Хем», Аксенов, Солженицын, Ростропович, Шагал. Долгое время Слава думал – это друзья родителей, которые заходили к ним, пока он пропадал на даче у деда с бабой в Купавне.

О родственниках отца дома не говорили. Из обмолвок родителей Слава знал, что его двоюродный прадед – «шишка». Как-то отец показал старые фото железнодорожных станций и московских доходных домов – их до революции проектировали прадеды Георгий и Вячеслав. Снимки оставил их младший брат Пётр – прадед Славы.

Мальчик всегда чувствовал к себе особое отношение старых учителей школы.

На экскурсии с классом по ВДНХ учитель истории, маленький старичок с забавной тростью, уважительно отметил удачную планировку выставки прадедом Славы и роскошный южный вход, работы его двоюродного деда. У павильона Космос учитель рассказал про площадь Механизации, проекта пращура, и гигантский памятник Сталину, некогда стоявший здесь, – в него, по преданию, замуровали гипсовый слепок вождя.

Уезжая на соревнования или к морю с Киевского вокзала работы прадеда или рассматривая шпиль гостиницы «Украина» за домами (высотку тоже проектировал прадед), Слава испытывал неловкость перед родственником за своё ничтожество.

До пятнадцати он занимался дзюдо. Пропадал на соревнованиях и на сборах. Раз ездил с командой в Польшу. Тогда-то Олтаржевский и догадался о семейной тайне. Отец куда-то ходил с его анкетами; невзрачный дядька в консульстве вкрадчиво его расспрашивал, а затем приглядывал за Славой в Варшаве. Позже отец рассказал, что двоюродный прадед Слава сидел в Воркуте по делу Бухарина; его начальника, наркома Чернова расстреляли, дочь наркома – тоже: на суде она объявила, что под пытками оклеветала отца. Тогда же Слава узнал еще о двух братьях прадеда – они пропали во время Первой мировой.

Впрочем, в период инициации семейные предания его занимали мало. После болезни Боткина он оставил спорт, узнав, что даже сверхусилия заканчиваются ничем.

В юности компанией пели под гитару песни Галича и Окуджавы, плавали в бассейне «Москва», катались на коньках в парке Горького. Когда родители обменяли квартиру и переехали на Хитровку, наслушался про зятя Кутузова – Хитрово, про Свиньина – прототипа Хлестакова, про «дядю Гиляя», дом-«утюг» и купчиху-машинистку – прообраз «Анны Снегиной».

После тренировок Слава читал запоем тома Фенимора Купера и Майн Рида, Жюль Верна и Золя, Куприна и Чехова: на уроки не хватало сил. Покончив со спортом, с книгами не расставался. В школе презирал народные образы «каратаевых» и любил князя Андрея. Восхищался контрабандным Набоковым и скучал от советских романов о производстве. Любил латиноамериканцев, французов, итальянцев, отдельно – Диккенса, и остался равнодушен к философствующим немцам и к их разновидности – австрийцам, чехам и венграм. Польскую историческую беллетристику считал лучшей в мире.

Он обожал «Тихий Дон» Герасимова и ни разу не досмотрел «Летят журавли». «Леди Каролина Лэм» его очаровала, а Дастин Хоффман в «Крамер против Крамера» и Джек Николсон в «Полете над гнездом кукушки» восхитили. Если ТАМ, решил он, создают ТАКОЕ, значит, они чувствуют, как мы. Винилы «Deer-purple» и «Queen» в шестнадцать заменили для него авторитет родителей. Сен-Санс, Чайковский, Рахманинов и другие вошли в его жизнь позже. «Рембо» и «Хищника» он счёл эталоном жанра, но, посмотрев, забыл.

В газете отца Слава опубликовал заметки для конкурса на журфак. Первые опыты дались ему даром, и он решил, что ремесло от него не уйдет. Настоящая жизнь, о которой писали великие, скользит мимо. Он мечтал стать великим. На пятом курсе бросил университет и посту-

пил в театральном на режиссера. Через два года ювенальный бунт закончился ссорой с отцом. Слава сбежал в Калинин к родне мамы и оттуда – в армию.

Говорить о войне он не любил. Он о ней не знал. Полгода в учебке, «старик» среди пацанов – они не понимали, что там происходит; единственный бой – он даже не успел снять с плеча автомат. Затем госпиталь, напуганная мать; отец, словно, прибитый – он больше никогда не спорил с сыном. Дослуживал в Рязани и стеснялся своего фальшивого подвига.

После войны он не боялся перекраивать судьбу.

Окончил пятый курс, сплавливал лес по Вычегде, всплыл, уволился из вуза и торговал паленой водкой у абхазцев. Жены Олтаржевского с любопытством слушали его рассказы о жизни на севере среди отшельников и про то, как он ел сырую рыбу. После развода с первой женой он вахтовал в Уренгое, а потом, едва расплатившись за квартиру, разменял её, после развода со второй. Корреспондентом от воинского журнала он даже «поймал» осколок в бедро на первой Чеченской, не написав о войне ни строчки. Видно, у Бога были свои виды на него.

По детям тосковал. Но, вспоминая свою юность, знал, что, когда сын и дочь дорастут до самостоятельных выводов без обид за мам, он уже будет им не нужен.

Всю жизнь возвращался к газете (ибо наука не кормит). Тех, кто писал правду, – уважал. Сам поступал всяко. Случалось, бедствовал: мир столичных газетчиков тесен, несговорчивого журналиста остерегались.

Он встречался с лидерами думских фракций, с высшими чиновниками, с артистами и знаменитостями (новичком в журналистике не был), но считал себя их обслугой.

Размышляя, чем помочь Гусю, Олтаржевский нашёл в интернете программу «Куклы», сюжет Шендеровича по повести Гофмана «Маленький Цахес, по прозвищу Циннобер». На некоем сайте освежил в памяти повесть в кратком изложении Зибельтруда.

Олтаржевский хмыкнул: довольно, злая сатира на власть!

Тысячи Цахесов испокон века дрались за сытный кусок. Поэтому Олтаржевский питал отвращение к стайным «измам» любых оттенков. Его раздражали споры о почвенничестве, западничестве, национальной исключительности и мессианстве: они неизменно сводились к дележу добычи. Его раздражала кухонная болтовня под сигаретку о продажности «режимов», будто за века в модели общества – бесправный «базис» и безнаказанная «надстройка» – что-то могло измениться. Заурядный «голубой воришка» Гуськов заварил кашу, и главные персонажи кукольной пьесы прислали ему черную метку. (Не понимая, что их ждёт та же участь, – подумал Вячеслав Андреевич.) Порядочный человек, по убеждению Олтаржевского, не мог участвовать в сваре жлобов, не запятнав себя. Но оставить приятеля в беде он тоже не считал возможным.

Чем он, маленький человек, мог помочь Гусю? Носить передачи в СИЗО или протестные плакаты возле Госдумы? Размышляя о приятеле, Олтаржевский машинально вывел в тетради звезду Давида. Несколько раз обвёл рисунок и отложил карандаш.

Он переделся в махровый халат и накинул на шею полотенце. Только тут он заметил запись: «Пусть жена сенатора подойдет к нашему столу и влюбится в меня».

Вячеслав Андреевич совершенно забыл о выходке накануне и от неожиданности сел. Самое невероятное для него было то, что женщина подошла к двум пьяным рожам!

Все еще мучась от стыда (благо – никогда её не увидит!), он выровнял брюки по стрелкам и повесил их в шкаф. Из кармана за диван выпорхнула визитка. Вячеслав Андреевич поднял её. На золотом поле старорусской муаровой вязью манерно переливались инициалы Шерстяниковой и номер её телефона. Олтаржевский бережно положил визитку на стол и отправился мыться.

В резиновых перчатках он щеткой брезгливо оттер кляксы крови с ржавого кафеля.

Затем, подставив лицо под контрастный душ, долго размышлял о жене сенатора.

Он думал о пропасти, которая их разделяет. Именно тогда, под коммунальным душем по соседству с храпевшими за стенкой алкоголиками, Олтаржевский захотел отыграть у судьбы почти проигранную жизнь!

Он вспомнил обмолвку Гуся, что карьерой сенатор обязан жене. Среди публичных людей случайных не бывает. Имиджмейкеры лишь создают из них узнаваемые образы остряков, хамов, горлопанов – «своим» обыватель прощает всё! А лучшие имиджмейкеры – это жены. Умные женщины правят миром. Шерстяникова могла помочь советом.

Наверное, это подразумевал Гусь, сказав, что Олтаржевский «знает, что делать»!

В комнате он помедлил – «Куда ты лезешь!» – и набрал на телефоне номер с карточки.

Ему могли не ответить, нагрубить за ранний звонок! – но сонный голос, её голос! – сказал:

– Да! Слушаю!

Олтаржевский назвал. Рассказал об аресте.

– Да. Я знаю. Откуда у вас мой номер?

Он напомнил.

– Да-да! – Она оживилась. – Вы можете приехать?

Он записал на обороте визитки адрес.

Открыл конвертик смс в телефоне и набрал указанный в нём номер.

Сказал:

– Мне нужна машина.

Лишь у подъезда, усаживаясь в представительский лимузин, Олтаржевский оробел – он едва поспевал за событиями.

Плотный мужчина без шеи и в черном пальто кратко назвался: «Бешев», – открыл Олтаржевскому заднюю дверь и сел впереди. Он передал Вячеславу Андреевичу телефон с номером «АнтиАОН», кредитку, пачку денег и ключи от съемной квартиры, деликатно пояснив: «Для переговоров!» Когда он оборачивался, Олтаржевский не мог рассмотреть его лицо в очках без оправы. Лица водителя он тоже не видел – лишь стриженный затылок и красную полосу на его шее, натертую крахмальным воротничком. И Олтаржевскому казалось: все, что с ним происходит – розыгрыш, затмение после пьянки. Сейчас мужики рассмеются и высадят его. И лишь когда «особист» (так Вячеслав Андреевич про себя назвал Бешева) – и водитель принялись поругивать вчерашний еврокубковый футбол, он успокоился, уцепившись сознанием за привычную реальность.

– Что их связывает? – спросил Олтаржевский.

– Шерстяников входит в совет директоров холдинга Арона Самуиловича и снимает у него особняк, – отозвался Бешев. – Вам нужно штатное расписание?

– Нет.

Олтаржевский машинально проверил во внутреннем кармане ветровки тетрадь с тиснением – свой странный талисман – и попробовал задремать.

Даже с «синим ведром» на крыше ехали долго. Шоссе в сторону центра заправили машины. У перекрестков в пригород тоже набухли пробки. Рублево-Успенский «огурец», с погостами по краям, проехали медленно, как на похоронах, и свернули в сосновый бор.

Автоматические ворота, охранник в будке размером с садовый дом, необжитые особняки с лужайками-пустырями за фигурными оградами по сторонам дороги – все это Олтаржевский провожал сонным взглядом постороннего. Даже птицы, казалось, щебетали здесь шепотом, чтобы не тревожить владельцев оазиса.

Олтаржевский не представлял, о чём говорить с сенатором. Ничего особенного от встречи не ждал. Он подумал, что сейчас увидит её. Было забеспокоился, как беспокоится мужчина перед встречей с понравившейся ему женщиной, но, вообразив её в замызганном переднике на коммунальной кухне, хмыкнул нелепой в его возрасте «бальзаминоvince».

Лимузин вплыл в ворота фигурной ковки; по широкому двору обогнул круглый фонтан с мраморными рыбами, выключенный на зиму, и замер у крыльца с колоннами.

Следом за молодым человеком с заспанным лицом и в темной паре Олтаржевский вошел в овальный подъезд. Он оставил куртку милостивой горничной в белом переднике и поднялся на второй этаж по изогнутой, как волна, мраморной лестнице с мягкой дорожкой. Через арку с позолоченным кантом очутился в круглом зале с высокими овальными окнами и картинами современной живописи – дорогущая мазня, в которой Олтаржевский ничего не смыслил. Под окнами, где подразумевались ниши для радиаторов, в плоских аквариумах плавно шевелились декоративные рыбы. В изысканной обстановке дома просматривалась незавершенность, словно хозяева накануне закончили перестановку мебели после ремонта, и предметы еще не на месте.

Хозяйка поднялась навстречу с дивана, обитого бежевой кожей под цвет стен, разделившего зал пополам, и подала Олтаржевскому тонкую в кольцах руку. На ней было светлое платье чуть выше колен и бриллианты от Chopard – он вспомнил, что где-то читал о драгоценностях, которые носят русские богачи. Она вела себя непринужденно. Поэтому гость поцеловал ее руку, не испытывая неловкости.

Олтаржевский решил не поражать хозяев дома старомодным костюмом – другого у него не было! – в домашнем свитере и джинсах он чувствовал себя комфортнее.

Женщина извинилась за срочный отъезд мужа, сообщив, что «Василий Степанович скоро вернется». Она жестом пригласила гостя на другую сторону дивана. С непривычки к роскоши Олтаржевский не сразу сосредоточился на деле.

– Как вы намерены поступить? – помогла ему Шерстяникова негромким певучим голосом.

Он рассказал, что они с Аркадием встретились накануне впервые за много лет. Приятель просил помочь. Но Олтаржевский не представлял, как. Поэтому позвонил ей – единственной их общей знакомой.

Женщина слушала, сложив на коленях руки лодочкой, как терпеливый учитель слушает детей. Сегодня он рассмотрел её лучше. Ей было за сорок. Своего возраста не скрывала, ибо почти не пользовалась косметикой. Для встречи с ним особенно не прихорашивалась – значит, считала его своим! (Либо – пустым местом!) Волосы её были уложены безукоризненно даже после ночного сна. «Стоя они, что ли, спят?»

Его, как накануне, поразили её голубые глаза. Но теперь Шерстяникова опускала взгляд под его взглядом. Теперь за её непринужденностью он уловил скованность. В ней что-то переменялось. Лишь после того как она сказала: «Вы очень напряжены!» – он догадался: она чувствует ту же неловкость, что и он, – и клещи внутри разжались.

– Аркадий знаком с Путиным. Значит, решение принимали наверху. Мы вот как поступим, – она мгновение подумала: – Я позвоню Люде и поговорю с ней. Вася этого сделать не может. Во всяком случае, мы будем знать, что они хотят от Аркадия.

Олтаржевский догадался, какой «Люде» собралась звонить хозяйка дома.

– Звонок вам не навредит?

– Хуже, чем Аркадию, никому не будет! – насмешливо и твердо ответила женщина.

Горничная расставила кофейный сервиз на резном столике и неслышно удалилась.

Шерстяникова извинилась и вышла. А Олтаржевский подумал, что в стране «телефонного права» её поступок может оказаться единственно верным. К тому же, защищая Аркадия, она защищала мужа: ведь сенатор с Аркадием «компаньоны».

Он осторожно налил кофе, но пить не решился, боясь неуклюжим движением расколоть драгоценную посуду из императорского саксонского фарфора: некогда для журнальной халтуры Вячеслав Андреевич изучал технику майсенского обжига и научился отличать искусство от глиняных черепков. Он сравнил изысканный фарфор с домом Шерстяниковых, куда вламывался из своей «глиняной подворотни», – попытался представить её родителей, детей,

друзей, запросто бывавших здесь. Попытался представить жизнь людей с хорошим достатком. Подумал, что никогда бы не обеспечил ей её нынешнюю жизнь, и тут же вновь подсадовал на неуместные фантазии.

Когда Шерстяникова вернулась, глаза её живо блеснули.

Она рассказала, что Аркадия обвиняют в крупном мошенничестве. Арестовали по особой статье. «Воспользовались» тем, что президент и Генеральный прокурор в отъезде.

– Разве без их санкции арест Аркадия возможен? – усомнился Олтаржевский.

– Во всяком случае, его отпустят! Мне обещали! А вот и Василий Степанович!

Олтаржевский обернулся. В гостиную энергичной походкой входил сенатор. Он был в дорогом костюме. Простое круглое лицо выглядело озабоченным, словно Василий Степанович пришел с важного мероприятия на еще более важное.

Ольга подставила мужу губы. Он клюнул их. Выслушал ее сообщение о звонке «Люде» и нахмурился. Очевидно, между супругами было заведено рассказывать друг другу всё. Шерстяников кивнул – обсудим после, и подал Олтаржевскому руку. Вячеслав Андреевич привстал и едва не упал в обморок. (Решил – его «догнал» хмель!) На диване он переждал дурноту. Шерстяниковы не заметили. Сенатор плюхнулся в кресло напротив.

Олтаржевский не мог отделаться от давешнего впечатления о сенаторе – веселый малый, которого попросили сыграть роль аристократа в любительском капустнике. Вячеслав Андреевич понимал, что впечатление это ошибочное. Такие, как Шерстяников, не сомневаются в том, что высокое положение принадлежит им по праву. Они смотрят на порядок вещей в мире иначе, нежели Олтаржевский.

Шерстяников быстро оглядел гостя и увидел узкое лицо человека замкнутого, который обо всем думает по-своему и держит мысли при себе. Кадровый офицер, он считал, что мужчина должен одеваться со вкусом. Неухоженный вид гостя не вязался с его независимой манерой держаться. Шерстяников не любил противоречий в людях.

Они не понравились друг другу.

– Сейчас многие друзья Аркадия притаились и ждут, чем кончится, а вы пытаетесь помочь ему. Это смело, – проговорил сенатор низким голосом, накануне так удивившим Олтаржевского.

– Моя смелость от незнания. Иначе бы я не влип так легко в эту историю, – ответил, как послышалось Олтаржевскому, кто-то вместо него – его знобило.

– Вы собираетесь работать с Аркадием? – спросил сенатор.

– Не думаю.

– Почему?

– Я вряд ли смогу быть ему полезен.

– Несмотря на временные трудности, партнерство с Аркадием открывает широкие возможности. Вы, должно быть, способный человек, если он вас выбрал. Зачем вам возвращаться в науку? Хотя... ваши родственники, кажется, – знаменитые архитекторы? Сталинские высотки – это проект одного из них?

Ольга посмотрела на гостя. Этот чужой сдержанный человек оказался отпрыском знаменитой династии и ученым! Гостю же стало неприятно, что посторонний узнал о нём на стороне – он бы сам рассказал о себе, если бы спросили.

– Да. Они проектировали кое-что в Москве и за границей, – неохотно сказал Олтаржевский и вернулся к разговору о Гуськове. – Дело не в науке. Я ничего не понимаю в бизнесе.

– Поймите, – ответил Шерстяников. – Большинство наших предпринимателей невежды. Они ничего не умеют, кроме как давать деньги в рост, и не хотят учиться производству. Умея мыслить самостоятельно, при поддержке сильного человека вы добьётесь успеха. А если упустите такую возможность, то сделаете большую глупость.

– Я подумаю. Но у Аркадия не временные трудности. Все сложнее.

– Почему вы так решили?

Разговаривая с гостем, сенатор не мог понять: как такого человека втянули в эту историю? Шерстяников задавал вопросы, чтобы разобраться, кто он. Но гость не говорил больше того, о чём его спрашивали. Держался настороженно.

– Я еще не разобрался в этом деле, – сказал Олтаржевский. – Но, по-моему, это очевидный сигнал бизнесу от власти, чтобы олигархи не вмешивались в политику.

– Вы – друг Аркадия. Как вы считаете, он пойдет на компромисс с властью?

– Трудно сказать. Я знаю о том, что происходит наверху из газет. Но думаю, компромисс не изменит ситуацию в целом. Аркадия накажут.

– Тем не менее, вы помогаете ему! Значит, разделяете его политические убеждения?

– Это ничего не значит. Я пытаюсь помочь другу, который попросил меня об этом.

– Любопытно! Вы человек науки и, должно быть, привыкли опираться на логику. Но я не вижу логики в вашем поступке. Вы оказались втянуты в политику – потому что здесь все же больше политики, чем бизнеса, – но даже не пытаетесь разобраться, прав Аркадий или нет. Это противоречит чувству самосохранения и здравому смыслу.

– О политике мне судить еще сложнее, чем о бизнесе. Вы единственный политик, которого я знаю. Но, судя по всему, вы знакомы с подоплекой дела лучше меня, и все же тоже поступаете вопреки здравому смыслу. Поступаете, как порядочный человек.

– В политике нет порядочных людей. Я на стороне Аркадия, потому что у нас с ним общие интересы, – насмешливо сказал сенатор, и Вячеслав Андреевич не мог понять, подшучивает сенатор над ним или издевается. – Что вы так растерялись? – улыбнулся Шерстяников. – Если моя жена помогает вам, значит, вы у друзей. Не бойтесь говорить, что думаете. Мне действительно интересно ваше мнение.

– Какое же тут может быть мнение? Аркадия примерно накажут для того, чтобы показать, что бизнесом в России можно заниматься, только оставаясь лояльным власти.

– Ни для кого это не новость! Вы думаете, в других странах по-другому?

– Нет, не думаю. Но я живу в России, и меня интересует то, что происходит здесь. Мне трудно судить об истинных причинах ареста Аркадия. Политика это или его устраняют конкуренты, в любом случае – это подлость. Рано или поздно с ними поступят так же.

– Надеюсь, вы не настолько наивны, как наивны ваши слова.

– А вы разве думаете иначе?

Шерстяникову позвонили по мобильному телефону. Он извинился и ответил. Затем сообщил жене, что должен ехать, и чмокнул её в губы.

– Мы с вами договорим в другой раз, – сказал он гостю и торопливо вышел.

– Мне тоже пора, – проговорил Вячеслав Андреевич, но не смог подняться – он мгновенно ослабел, будто из него ушла жизнь. Посидел с минуту, пережидая дурноту.

– Что с вами? – встревожилась Ольга. Она пощупала его запястье – её пальцы показались ему обжигающе горячими. – У вас руки, как лед! Вы простыли.

– Да! Вчера замёрз. Сейчас пройдет, – проговорил он и упал в обморок.

Очнулся Вячеслав Андреевич на диване. Над ним склонился молодой человек в серой паре и Ольга. Олтаржевский заелозил, но подняться не смог. Тело казалось тяжелым, а ноги ватными.

Ольга удержала его за плечо:

– Лежите. Сегодня вы не сможете заниматься делами.

Румянец тронул его бледно-серые щеки. Ольга жестом отпустила помощника. Она поймала себя на мысли, что ей нравится умное лицо гостя, и она подумала, что именно такое лицо должно быть у мужчины: немного замкнутое и уверенное. Правда, не такое большое! Вокруг глаз Олтаржевского она рассмотрела мелкие морщины, придававшие ему спокойное выражение, какое бывает у людей много переживших.

В его присутствии она чувствовала смутную тревогу, как на первом свидании, и это позабавило её. Олтаржевскому же было стыдно – брякнулся в обморок в чужом доме! На миг они встретились взглядами и тут же отвели глаза.

Ольга спросила первое, что пришло в голову, – о его диссертации. Он заговорил о декадентской поэзии. Она спросила о его семье, и он, сам не понимая зачем, рассказал про жен, детей, про газеты, где работал. Хватился, что наговорил лишнего, и замолчал.

– Вы, должно быть, сильно отстали от науки? – спросила она.

– Так сильно, что не хочется думать об этом.

– Вы следите за новинками?

– Следить мало. Нужно работать по специальности. Я отказался от науки из-за денег. Филологам мало платят. Но газетная рутина вовсе не приносит удовольствия. Так что к рутине теперь прибавилась тяжесть от сознания, что я изменил призванию.

– А филология – ваше призвание?

Он пожал плечами.

– Мне это интересно. Чем бы я ни занимался, я возвращаюсь к науке.

– А почему выбрали именно эту специальность?

– Мой отец журналист. Наверное, захотелось сделать больше, чем он. Кроме того, литература – это мужская работа. Увы, в наше время учеными считают лишь тех, кто изобретает оружие либо нефтяные вышки. Остальная наука, судя по зарплатам, государству не нужна, – вяло улыбнулся он.

– Вы напоминаете моего папу. Он доктор наук. Говорил всегда прямо и понятно.

Она рассказала, что в школе преподавала химию – «...пришлось уйти, чтобы не быть свадебной генеральшей...» – и про замужнюю дочь в Санкт-Петербурге. Про то, что росла в хрущевке, а когда отец купил ей велосипед, на нём по очереди катались все дети во дворе, кроме неё, пока кто-то не врезался в забор и не сделал на колесе восьмерку.

– Вы, наверное, дружите с отцом?

– Мы дружили. Папа погиб в Афганистане. Он служил в разведке.

Олтаржевский подумал о своём Афганистане, но промолчал.

– Почему вы откровенны со мной? – спросил он.

– Василий Степанович рассказал о вас. Было бы невежливо, если бы вы ничего не знали обо мне. Кроме того, я не раскрыла государственной тайны, – улыбнулась Ольга.

– Вы не похожи на генеральшу. Вам, наверное, скучно здесь. Поговорить не с кем.

– Почему вы так решили? Я слишком болтлива?

– Нет. Вокруг заборы. Чтобы сходить в гости, нужно заказывать пропуск!

Она улыбнулась. Бриллианты в её ушах заискрились.

– Мы живём здесь с лета. Это не наш особняк – мы его арендуем. И еще не успели ни с кем подружиться.

Она смеялась над его осторожными замечаниями. (Он замирал – поймет ли?) А он слушал и дивился самостоятельности её суждений. Она легонько откидывалась назад и смеялась, прикрыв ладонью рот. Перед тем как ответить, осторожно касалась пальцами рукава Вячеслава Андреевича. И все время, что она была рядом, он «впитывал» её впрок! Всем существом! И не мог насытиться.

Казалось, Ольга знакома ему с рождения, и сейчас они встретились через много лет. Еще не выйдя из её дома, он уже тосковал. И это чувство удивило его. Он знал, что любви с первого взгляда не бывает. В его возрасте любви не бывает вообще. Страсть, влечение... даже эти чувства для него теперь – роскошь. Ему было неловко перед её мужем, неловко за то, что он никак не мог заставить себя уйти. Какая-то сила удерживала его рядом, и он не мог с ней справиться.

Олтаржевский услышал нарастающий шум и понял, что снова теряет сознание. Цепляясь за действительность, подумал, что не успел сказать, что со вчерашнего дня постоянно думает о ней – и вдруг с ужасом понял, что произнёс это вслух. Он испуганно вскинул на Ольгу взгляд, не понимая, как посмел...

– Спасибо! Очень мило! – Она растерялась и побледнела, как накануне в ресторане.

– Простите!

Олтаржевский, сделав усилие, встал и пошатнулся – комната плыла перед глазами. Он споткнулся о стол, и опрокинул чашку. Коричневая жижа кляксой шлепнулась на её платье. Пытаясь поймать чашку, Олтаржевский уронил кофейник и ударился лбом о лоб женщины. Потирая ушибы, они испуганно смотрели друг на друга.

Подоспевший молодой человек в паре придержал его за локоть. Хозяйка проводила их вниз. Горничная помогла Олтаржевскому одеться: он дважды не попал в рукав и на ватных ногах спустился к подъезду.

В машине Бешев отвернулся – решил, что Олтаржевский пьян.

– Мне нездоровится. Позвоните Аркадию, – слабым голосом сказал Вячеслав Андреевич. Помощник подал ему телефон с набранным номером. Гусь отозвался.

– Тебя отпустят! – сказал Олтаржевский.

– Знаю. Ко мне щас приходили. Поговорим, когда выйду.

Олтаржевский плохо понимал, куда его везут (куда-то на Бульварное кольцо).

Консьержка. Лифт. У резной двери Вячеслав Андреевич повалился навзничь. Бешев успел схватить его за плечи. Олтаржевский снова потерял сознание.

Очнулся он в постели под одеялом. Рядом хлопотали медики в форменных куртках.

– Ничего страшного. Переутомление. Сейчас сделаем укольчик, и вы поспите, – успокоил фельдшер, и набрал в шприц лекарство.

Проснулся Вячеслав Андреевич ночью. Тусклый свет по периметру потолка выхватывал портьеры до пола и плохо различимые во тьме гобелены. На столе возле кровати под балдахинном – пилюли, электронный градусник, стакан сока.

Олтаржевский прислушался к мертвенной тишине, затем – к себе: кровь шумела в ушах, мысли путались, слабость растеклась по телу: очевидно, у него был жар. Он выпростался из-под одеяла (тело тут же охватил озноб) и в трусах (одежда была аккуратно сложена на стуле) побрёл по огромной квартире. А когда, наконец, разыскал туалет – по соседству со спальней! – и через проходную дверь очутился в ванной, то в отражении зеркала увидел больное, небритое лицо. Он хотел вернуться в постель, но что-то в собственной внешности показалось странным. С минуту Вячеслав Андреевич поворачивал к свету лоб, подбородок, всклокоченные волосы, пока, наконец, не понял – у него совершенно седые виски.

Он посидел за сутки! Или впервые за несколько месяцев рассмотрел себя?

Вячеслав Андреевич с привычной самоиронией подумал о том, что хлопоты состарили его. Но холод ужаса прокатился от кончиков волос до пяток: прядь на чубе торчком, как у пупса, побелела прямо на глазах, словно он высунул голову из тепла в ледяную стужу и лоб мгновенно покрыл морозный иней.

Олтаржевский присел на край ванны. Еще раз, потрясенный, осмотрел волосы, хватая их шепоткой.

Нет! Показалось! Игра света! История с Гуськовым стоила ему нервов!

– Тетрадь! – прошептал Олтаржевский. Он вспомнил о плате за желания. Хотел сыронизировать над своей неистребимой мнительностью, да так и вернулся в постель с вымученной улыбкой.

В квартире Олтаржевский оказался не один. На его шаги неслышно подошла сиделка в медицинском костюме. Олтаржевский жестом показал ей – ничего не надо, залез под оде-

яло, и, прикрыв веки, равнодушно подумал о том, что, вероятно, так люди узнают о страшной неизлечимой болезни.

5

Олтаржевский болел два дня. По утрам звонил Бешев, справлялся о самочувствии. Днем молчаливая горничная примерно одних с Олтаржевским лет перестилала постель и готовила на кухне еду. После того как больной начал вставать, на спинке кресла обнаружилась отутюженная пижама его размера.

На третий день Олтаржевский обошел квартиру. Пятый или шестой этаж, окна четырех комнат выходят в тихий двор, остальные – на балконы, нависшие над Тверской, где гарцует на коне бронзовый Долгорукий.

В рабочем кабинете стоял мощный компьютер и плоский телевизор с каналами на основных языках мира. Посреди столовой – овальный стол из дуба человек на двадцать и фигурные кресла. В гостиной декоративный камин и диваны. В квартире были еще библиотека с застекленными стеллажами от пола до потолка и рабочим столом, бильярдная, винотека, гостевая комната с входом в отдельную ванную и туалет. Комната для прислуги, также с отдельной ванной и туалетом, находилась за гостевой. Плюс комната-кладовая для посуды, для верхней одежды и вещей...

Он не удивился, если бы, как в сказке, обнаружил в кладовке костюмы и рубашки своего размера. (Увы!) Олтаржевский иронично сравнил себя с VIP-дворником, временно заселившимся в ведомственный замок.

Он старался не вспоминать о ночном ужасе и не думать о тетради, чтобы не сойти с ума – даже мысль о «чуде» вызывала у него панику, как в детстве, когда он разумом пробовал проникнуть за границы вселенной и всякий раз убегал от черной бесконечности, прятался в собственной черепашке за собственными глазами. Если б на его ладони, как в кино, появился апельсин или за один миг он очутился бы на Эвересте, то и тогда не поверил бы в чудо, а решил, что стал психом. Иначе ему пришлось бы поверить в Бога. Не в того безобидного боженьку, о котором он слышал с детства, а – в Настоящего! Одно дело необременительные совпадения, за которыми притаился всемогущий добрячок или злока, и досужие размышления о бытии после смерти, и совсем другое – всё, что стряслось за три дня. В теории заговоров и прочую ерунду Олтаржевский не верил и не знал, как быть с чередой странных событий, случившихся после ночной прогулки. Он перечитал историю книги на листочках, вложенных в тетрадь, но так и не понял, что происходит.

«Объяснение придет после», – испуганно спрятался он за спасительную мысль.

За время болезни Олтаржевский просмотрел штатное расписание медиа-холдинга: документ прислал Бешев. Генеральный директор, председатель совета директоров, главные редакторы, шеф-редакторы, их замы, начальники и замначальники управлений, секретари, ответсеки, ведущие, обозреватели, спецкоры. Кое-кого Олтаржевский знал.

Он не понимал, зачем понадобился Гусю в заведомо проигранной тяжбе с властью.

В новостях на все лады обсуждали арест Гуся. Его канал клеймил «диктатуру закона по-путински», правосудие «по Вышинскому». Называл арест хамским выпадом против «всех граждан» страны, против «нашей» свободы. Выступали Резник, Черкизов, Немцов... Ничего нового Олтаржевский не услышал и ничего иного не ждал.

Сделать больше того, что уже сделал, он не мог. Оставалось ждать.

Подумав об Ольге, Вячеслав Андреевич вдруг понял, что влюбился. Он вспомнил запись в книге и растерялся. Ведь он «просил», чтоб полюбили его! А не наоборот! Он знал: чтобы тебя любили, надо любить самому! Он с раздражением отмахнулся от бредней. Нет никаких чудес! А есть обычная жизнь, где у каждого собственный удел! Красивая и успешная женщина не унижит мужа и себя связью с ничтожеством! Ему же пора убираться в привычный мир ком-

муналок, газетных писарчуков, обычных людей с их нехитрыми радостями... или наняться к Гусю.

Но праздно мечтать или распорядиться удачей – большая разница. Он устал от нищеты, но не был готов с нищетой расстаться. Он сдался, растранижил жизнь, и не знал, что делать с её остатком. Внутри пусто, снаружи скучно. Но, вспоминая Ольгу, он думал о том, что человеку нужно совсем немного, чтобы снова цепляться за жизнь.

Вспомнив о книге, он поискал её в куртке. Обшарил вещи! Обыскал спальню!

Книга пропала! Он не помнил, где ее оставил. У Шерстяниковых, в машине...

Он уже успел привыкнуть к книге, как к талисману.

Олтаржевский уныло пробежался пультом по телевизионным каналам и наткнулся на... Гуся! В прямом эфире программы «Глас народа» тот воинственно сверкал стеклами очков, вещал о «разгроме» либеральных ценностей и о попрании прав человека. Разоблачал «власть»: ему, мол, предложили закрыть «Куклы», заменить дирекцию телекомпании! Насидевшись в Бутырке, он обещал «бороться». За Гуся заступились Авен, Фридман, Сысуев, Малашенко. Лучший «друг» Березовский заявил, что тоже нарушал российские законы. «Из солидарности!» – с иронией подумал Олтаржевский.

«Заступаясь», все они рыли Гусю яму.

Досадуя, Олтаржевский выключил телевизор. Толстомордый еврей лягался, как упрямый осел, губил себя, близких и тех, кто ему помогал. Он даже не удосужился сообщить, что вышел из СИЗО. Олтаржевский понял, что пора «валить», пока его не заметили в драке.

Он оделся. Проверил в кармане ключи от коммуналки. Оставил бешевский телефон и пачку денег – подумав, отщипнул за хлопоты, – и пошёл, когда заверещал мобильник.

Гусь звонил из студии.

– Слава, завтра у меня дела. Подползай послезавтра.

– Гусь, ты sdурел?

– Не ори! Мне все равно крышка. Надо поговорить!

– Куда ехать? На Арбат, в Палашевский, в Чигасово?

– Нет! Там слушают! Бешев отвезет, – и отключил трубку.

Олтаржевский не сразу сообразил, что звонит Ольга: сердце сладко защемило.

Она справилась о его здоровье – про болезнь «им» рассказал Бешев, – сказала, что горничная нашла его записную книжку в гардеробе и «посыльный уже везет».

– Оля... – он хотел извиниться за «признание».

Она угадала. Чужим голосом прошептала:

– Молчите! Мне и так тяжело! Прошу вас! Ни вам, ни мне это не нужно! Посоветуйте Аркадию быть дальновидней.

Подавленный, он присел на постель. В груди ныло. Он окончательно понял, что влюбился, как влюбляется в последний раз стареющий мужчина.

Вячеслав Андреевич из кармана куртки вытащил бумажник. Перебрал пачку визиток. Отыскал – «Евграфов Юрий Борисович. Букинист» – позвонил и назвал.

Тот не сразу вспомнил.

– Что-то случилось? – спросил букинист сипловатым простуженным голосом.

– Не знаю. Приезжайте. Сами решите, случилось или нет.

Торговец жил рядом, на Гоголевском бульваре. Тащиться по холоду к незнакомому человеку, ему, судя по голосу, не хотелось, но он обещал быть.

6

Посыльный привёз книгу в целлофановом пакете. Олтаржевский сунул ему чаевые пять тысяч – меньше не нашлось – и захлопнул двери перед остолбеневшим парнем.

Служанка нарезала и уложила на блюдо бутерброды. Олтаржевский отпустил её.

Спустя час перед черно-белым экраном камеры у подъезда торговец отряхивал с рукавов снежок. Затем, шевеля губами, сверял адрес на клочке бумаги. Прежде, чем он набрал цифры кодового замка, Олтаржевский открыл дверь.

Роскошная обстановка квартиры, казалось, оглушила гостя. В фуражке с опущенными клапанами и в болоньевых сапогах он растерянно потоптался в прихожей. Близоруко прищурился слезящимися глазами на богатую люстру и панели из дорогого дерева, зашмыгал носом. И без того сутулый, он сгорбился, стараясь занять как можно меньше пространства. А, отдавая хозяину фуражку и шарф, мелко кивал, словно, угодливо кланялся. Оказавшись в свитере и в брюках с начёсом гость, будто сразу усох.

– Извините, что вытащил вас. Не стесняйтесь. Мы здесь одни, – сказал Олтаржевский. Старик принёс с собой тапки в целлофановом пакете и переобулся.

Он отёр с усов и бороды капли оттаявшего инея и прошёл за хозяином на кухню.

При ярком свете старик зыркнул на Олтаржевского. Поискал, куда б присесть.

– Сильно постарел? – спросил Вячеслав Андреевич, следивший за гостем.

– Н-не знаю. Тогда на улице было темно. Мы виделись минуту, – торговец говорил с простудной сипотцой, как человек, который проводит много времени на воздухе. Он смелее обещал взглядом лицо собеседника. – Да. Кажется, что-то изменилось.

Они сели за стол.

От бутербродов гость отказался. Олтаржевский налил ему кофе из термоса с японским иероглифом. Старик зябко погрел пальцы о чашку.

– Вы по телефону назвали своё имя. Скажите, вы имеете какое-то отношение к знаменитым архитекторам Олтаржевским? – спросил букинист.

– Да. Имею. Георгий и Вячеслав братья моего прадеда.

– О-о! Очень приятно! – он уважительно посмотрел на собеседника. – У меня есть книга вашего родственника «Габаритный справочник архитектора». Редкое издание 1947 года. И «Строительство высотных зданий в Москве» 1953 года выпуска.

– Спасибо! У меня они тоже есть. Я хотел поговорить о книге.

Олтаржевский подвинул букинисту тетрадь, и рассказал о том, что с ним стряслось за три дня. Умолчал лишь об Ольге.

– Что скажете? – спросил он.

Старик снова взглянул на Вячеслава Андреевича из-под густых бровей и потёр бороду.

– Ну, осунуться-то вы могли из-за болезни.

– И всё?

– Да. Всё. Это шутка. Глупости выжившей из ума пожилой женщины. Думаю, дело не в тетради, а в вас.

– Что значит?

– Каждый человек рано или поздно становится востребован временем. Очевидно, настало ваше время. У вас хорошее образование, большой жизненный опыт, есть влиятельные знакомые. А ваши записи, – он пролистал тетрадь, деликатно «не заметив» запись о Шерстяниковой, – ежедневник, который вы более или менее успешно выполняете.

– Но вы же сами рассказывали!

– Я пересказывал с чужих слов. Историческая ценность этого документа сомнительна. – Букинист подумал. – Если рассуждать здраво, в книге нет ничего мистического. Скажем – болезнь. Женщина, отдавшая мне книгу, описывала те же симптомы, что и у вас, у прежнего владельца тетради: слабость, жар, беспамятство. Он болел сразу после того, как в его жизни наступали перемены. Болел по несколько дней. Затем всё проходило. Я покопался в специальной литературе. Симптомы очень напоминают фатиг-синдром или, по-другому, – синдром хронической усталости. Кстати, одной из причин происхождения болезни считают вирус Эпштейна-Барра. Он наиболее часто встречается в Центральной Африке. А тетрадь, если верить ее

географии, где только не побывала, и могла стать переносчиком любой заразы. Проще говоря, вы простыли на морозе. Добавьте нервное потрясение.

– Это объясняет болезнь, но не логику событий. Даже если я подцепил какую-нибудь пакость, она не могла повлиять на то, что происходит.

– Я не знаю ваших знакомых. Но мне кажется, ничего необычного с ними не случилось. Плохо, что они впутали вас в свою историю.

– Как умер прежний хозяин? – спросил Олтаржевский.

– Ну, этого я вам сказать не могу – не знаю! Судя по возрасту женщины, отдавшей книгу, он был глубокий старик. Если, конечно, не умер давно.

Олтаржевский задумчиво покивал.

– После того как книга оказалась у меня, мне бывает, простите за пафос, жутко, будто, рядом бродит смерть. Глянет – не время! – и уходит. Я знаю это ощущение. Иной раз мне кажется, что на Арбате я подписал себе приговор. А вместо меня умер другой...

– Если вы про соседа, о котором рассказывали, то он умер бы и без вас. Впрочем, хотите считать себя виноватым, – букинист пожал плечами, – считайте.

– Да я не считаю. Навалилось всё как-то одновременно, – пробормотал Олтаржевский.

– Вы слышали про связь талисмана и его владельца? – спросил старик. – Человек быстрее принимает решения, если с кем-то советуется. Потому что ответственность за решение делит с другим, и это придает ему уверенности. Если хозяину сопутствует удача, он обожествляет талисман и крепче верит в его силу. Приписывает ему сверхъестественные способности. Книга для вас – талисман. Вы донырнули до дна. А оттуда – путь лишь наверх. Но подъем оказался слишком быстрым. Вы не готовы к нему. Отсюда нервишки шалют. Возможно, в этом всё дело.

– Вам кажется, что я... ну, словом, сбрендил?

– Откуда мне знать, – пошутил старик. – Да, нет. Думаю, вам надо выспаться, отдохнуть.

– Вчера мне казалось, что я могу поступить, как угодно – жить или умереть! А сегодня...

Олтаржевский виновато улыбнулся.

– ...стали кому-то нужны. Да. Я помню ваше настроение.

– Я почувствовал, что могу что-то сделать.

– Тогда упрячьте подальше свою книгу и ничего не загадывайте! Просто живите.

Олтаржевский подошел к газовой плите.

– Как её включить? До сих пор не приходилось пользоваться. – Он заглянул справа, слева.

– Поверните колесико. Пламя вспыхнет само. Зачем вам?

– При вас хочу избавиться еще от одного предрассудка.

Вячеслав Андреевич зажег плиту и провел обложкой книги по голубым лепесткам огненной незабудки. Покрутил рычажки на панели, чтобы усилить пламя, и не заметил, как острие огненного жала вонзилось в книгу. В тот же миг Олтаржевский почувствовал жгучую боль и отдернул руку. Книга кувыркнулась за холодильник. Только тогда Олтаржевский заметил, что вспыхнула другая конфорка, и огонь опалил рукав его сорочки под локтем. Чертыхаясь, он рванул манжет, – пуговица ускакала по ламинату, – и закатал рукав. Под локтем на коже пузырился белый волдырь от ожога.

– Смотри-ка, не даётся! – сказал Вячеслав Андреевич, за иронией скрывая изумление.

– Смажьте растительным маслом, – посоветовал букинист.

– Это наказание за вандализм! – Олтаржевский болезненно поморщился.

Хлопая дверцами, он нашел в шкафчике бутылку оливкового масла. Затем вернулся к столу.

Букинист, кряхтя, поднял книгу.

– Даже не закоптилась. А ведь наверняка за тысячи лет побывала в переделках, – сказал Олтаржевский, ощупывая свой ожог.

– Бумага, скорее всего, пропитана чем-то наподобие натриевого стекла или насыщенным раствором квасцов. Их продают в любом хозяйственном магазине. А может еще чем.

– Вы говорили об этом на Арбате. Вы ведь тогда тоже обожглись.

– Что вы хотели узнать?

– Хотел проверить на большом огне, загорится ли бумага.

Старик пощипал ус.

– Вы уверены, что книга не имеет никакой ценности? – спросил Вячеслав Андреевич.

– Исторической – наверняка.

– Скажите, что бы вы делали на моём месте, если бы книга... – Олтаржевский помялся, – ...словом, если бы всё, что вы рассказали о ней, оказалось правдой?

Старик пошевелил бровями. По его мнению, подобно многим неустроенным людям, этот странный человек искал причину своих неудач во враждебных потусторонних силах. Но вслух сказал:

– Смотрите на вещи философски! Бог помогает хорошим людям. Всё образуется.

– Я атеист, – проворчал Олтаржевский, сердясь, что выставил себя дураком.

– Доживите до моих лет, а там решайте, кто вы. Вы можете отказаться от затеи вашего приятеля?

– Я обещал. Иначе получится, что струсил.

– Ну уж – струсил! Вы ничем ему не обязаны. Вы и так сделали больше, чем могли.

– Вы ему не верите?

– Я его не знаю. Если вы откажетесь, то избавитесь от другого своего предрассудка, будто вам помогает чудо. – Олтаржевский промолчал. – Раз не хотите, подстрахуйтесь.

– Как?

– Откуда же я знаю! Вы умеете руководить людьми? Вести дела? Если ваш приятель сбежит из России, вы сами выкарабкаетесь?

– Руководить – руководил! А вот выкарабкаться... – Олтаржевский почесал затылок.

Букинист посмотрел на ручные часы и вскинул брови:

– Извините, мне пора!

В прихожей Олтаржевский помог ему одеться. Как старик ни отнекивался, Вячеслав Андреевич, запахнул несколько пятитысячных купюр в карман его куртки.

– На Арбате в каком-то смысле вы спасли мне жизнь. Это малое, чем я могу вас отблагодарить. Тем более что мне это ничего не стоит, – сказал Олтаржевский.

Старик, растроганный, спрятал деньги поглубже, и пошёл к двери.

Вячеслав Андреевич какое-то время смотрел на книгу.

Затем, зажёг газ, осторожно провёл обложкой по огню, и тут же отдернул руку.

Он изумленно осмотрел покрасневшие фаланги пальцев:

– Фигня какая-то.

Знакомый липкий страх расползся от живота к горлу.

Олтаржевский вдруг распахнул тетрадь и со злости изо всех сил рванул несколько страниц. При этом так неудачно вывернул запястье, что вскрикнул от боли.

Очухался, сидя на полу: запястье ныло – очевидно, падая, он повредил руку.

Книга валялась рядом. Олтаржевский сердито отпихнул её ногой.

Он представил со стороны, как воюет с тетрадью. Морщась от боли, кое-как поднялся, и, придерживая запястье, с книгой под мышкой заковылял в спальню.

На постели он долго смотрел в потолок, обдумывая разговор с букинистом.

В голову лезли странные мысли. Если тетрадь, как рассказывал старик, давала владельцу то, что он хотел – сразу, в обмен на время, которое тот потратил бы на осуществление мечты, то за всю жизнь человек мог загадать, лишь несколько желаний.

Уничтожить тетрадь, похоже, тоже нельзя. Если только вместе с хозяином! Вспомнив эксперименты с огнём, Олтаржевский решительно пробормотал: «Чушь!»

«Лучше подумай, как управлять людьми, если примешь предложение Гуся?»

Он придвинул к себе новый ежедневник и записал: «Учись убеждать: пусть все соглашались с моим мнением!» Тут же захлопнул и оттолкнул книгу.

Затем, не раздеваясь, повалился на бок и заснул крепко, без сновидений.

7

Утром Олтаржевский позвонил отцу на квартиру в Бескудниково, уверенный, что не застанет его дома. На такси отправился на стоянку за своим стареньком «опелем», а оттуда – в дачный посёлок Красная Пахра. С тех пор как Андрея Петровича, после путча, уволили из «Московской правды», он сначала один, а затем с женой Светой, почти безвылазно сидел на даче.

Киевское шоссе в область почти пустовало, и к полудню Вячеслав Андреевич был на месте. О давешнем вечере ему напоминало ныннее запястье и ожог под локтём.

Он оставил машину у шлагбаума и, махнув охраннику в будке, зашагал по дорожке. За забором посёлка чернел еловый лес. У ворот три старые кривые сосны поскрипывали на ветру среди пушистых ёлок. Меж богатых особняков жалась избушка НИИ. Где-то лениво тьякала собака. Дробным эхом стучал молоток. Пахло близкой зимой.

Олтаржевский вспомнил свой приезд к отцу сразу после смерти мамы. Вдвоем отправились за грибами. Ласковое солнце грело прозрачный осенний день. На душе было так же прозрачно и тихо. Они молчали о том, что понимали оба – никто не виноват в том, что случилось, просто у каждого теперь своя жизнь. Они устроили поединок – кто соберет больше подосиновиков и подберёзовиков. Отец, как всегда, выиграл. Пересчитали добычу (мясистых крепышей с желто-бурыми шляпками разложили на пожухлой траве; ряд отца оказался длиннее), оба улыбались оттого, что им хорошо вместе. С тех пор как Вячеслав Андреевич стал взрослым, никогда ему не было так спокойно у отца, как в тот день.

Сейчас он со стыдом подумал о своём недавнем малодушии и с неприязнью – о том, что стало бы с близкими, когда они узнали бы о его глупой смерти. Он не мог отделаться от странного ощущения, будто последние дни кто-то другой живёт за него.

За забором серел бетонный долгострой без крыши, затеянный Андреем Петровичем лет десять назад. Изнутри калитки висел замок. Олтаржевский постучал кулаком по почтовому ящику и залихватски свистнул. Собака вдалеке зашлась вдохновенным лаем. В глубине участка приглушенно рывкнула еще одна. Оттуда же прохрипела дверь, и из-за угла дома, рыча, засеменила рыже-белая колли с роскошным воротником и узкой мордой. Узнав Вячеслава Андреевича, овчарка завиляла хвостом, радостно припадая на передние лапы и нетерпеливо оглядываясь туда, где по дорожке шаркал валенками в калошах рослый сухощавый Олтаржевский, только на четверть века старше, – то же худощавое лицо, те же тонкие губы и та же благородная горбинка на носу.

На отце была старая шляпа и новенький ватник.

– Слава? А почему вы не вместе с Сашкой? – удивился отец – он всегда говорил тихо.

– Не знал, что он собирался к тебе.

– Перед тобой приехал.

Андрей Петрович не спеша отпер замок. Обнялись. Собака радостно бросилась передними лапами на грудь гостя и лизнула его лицо.

– Ну все! Пусти, Ирма! – Вячеслав Андреевич погладил и легонько оттолкнул собаку.

Обычно Олтаржевский заезжал в Алтуфьево к Насте. В Химки – к Саше. Бывшие жены не мешали ему встречаться с детьми. Совершенно разные, женщины были одинаково обижены на Олтаржевского за свою обыкновенную жизнь. Вторая жена Марина, много младше

Олтаржевского, считала мужа обязанным ей за то, что она «родила ему дочь», и не признавала такой же «подарок» от его первой жены Ирины, оскорбленной изменой мужа. Саша учился в «Плешке». Дружил с Настей. Настя скрывала от матери дружбу с братом. Ира ревновала сына к его сестре. Олтаржевский же считал себя виноватым в том, что не дал детям и женам то, что дают благополучные родители и мужья, – хороший достаток. Как следствие, решил он, его жизнь была им не интересна, а потому внуки не навещали ни его, ни деда. Последний раз Саша приезжал к деду года два назад, когда учился в школе. Андрей Петрович называл это на английский манер «generation ger», причиной которого считал эгоизм взрослых.

За долгостроем примостился деревянный домик с мансардой. Дальше – ровные грядки, прибранные к зиме, и парник из толстой проволоочной сетки.

По скрипнувшему ступенькам вошли на веранду. Ирма, цокая когтями по дощатому полу, шмыгнула через двери в соседнее помещение «для собаки».

Навстречу из-за стола, кутаясь в платок, поднялась Света и подставила пасынку щёку. Худая, в свитере и в спортивном трико, она была одного возраста с сыном мужа. Но большие очки с толстыми линзами на курносом лице и короткая стрижка прямых с проседью волос, как у московских бабушек, старили «мачеху».

С Андреем Петровичем они познакомились в ведомственном журнале, куда отца «ушли» из газеты. Света оказалась самой молодой из редакционных дам. Прежде из ревности Олтаржевский думал, что отец не любил Свету, а испугался пустоты вокруг, тут подвернулась переревшая девица, и отец женился. Света же страх одиночества мужа приняла за привязанность и полюбила, как любят в последний раз. А когда поняла, что любит придуманное в нем, все равно любила. Она вечно сюсюкала с матерью по телефону. Ее мелочный деспотизм, интеллектуальные озарения кухарки, треп с подругами, боявшимися Андрея Петровича, как школьного завуча – все, к чему сумел подстроиться отец, раздражало Вячеслава Андреевича. Но со временем он привык к Свете и был благодарен за то, что она берегла отца. Они с мачехой подружились, как умели.

Детей у Светы не было, и она тщетно хлопотала о том, чтобы сын и внуки чаще навещали мужа, создавая хотя бы иллюзию дружной семьи.

Саша – отец и дед в юности, рослый и сухой, но черноволосый и чубатый, – скрючившись, вылез из-за стола. Раскосые глаза с рыжими крапинками на радужках напоминали Олтаржевскому мать Саши. На парне был черные пуловер и джинсы.

Они пожали руки, по их традиции – предплечьями вверх.

– У тебя day-off? – спросил Олтаржевский.

– Одна пара и две физры. С физры меня отпустили.

– Убедительно.

Саша играл за институтскую баскетбольную команду. В словах отца он услышал намек на обвинение в прогулах, возмутился, но в интонации было что-то, отчего парень передумал с ним ссориться.

– Ты болел? – спросил Андрей Петрович. Он снял ватник и переобулся в тапки.

– Простыл. А что? – насторожился сын. Он пригладил волосы.

– Не пойму – то ли ты осунулся, то ли поседел.

От супа Вячеслав Андреевич отказался, но чай попросил: налил кипяток из электросамовара, ковырнул вишневое варенье в вазе и взял пару конфет из розетки.

– С каких пор тебя интересуется архитектура? – Андрей Петрович продолжил прерванный разговор. Он зябко потёр руки, прицеливаясь, чтобы вкусненькое съесть.

– Я интересуюсь не архитектурой, а архитектором, – ответил парень.

– О чем спор? – спросил Вячеслав Андреевич.

– Мы говорили про архитектора Олтаржевского, который строил сталинские высотки. Он действительно имеет к нам, какое-то отношение? – спросил Саша.

Отец и дед переглянулись. Дед положил в рот конфету, прошепелявил:

– Зря ты не интересуешься архитектурой. В Москве есть, что посмотреть. А сталинские высотки совершенно изменили город. Ты можешь представить Москву без сталинских высоток? Я – нет! – он проглотил конфету.

– Андрей, не брюзжи! Ребенок задал тебе вопрос, – вмешалась Света. Она взяла чашку обеими руками. Саша поёрзал, недовольный, что его называют ребенком.

– Вячеслав Константинович Олтаржевский – твой двоюродный прапрадед. Иначе говоря, ты его внучатый праправнук, – ответил дед. – Почему он тебя вдруг заинтересовал?

– Парень в группе спросил, имею ли я отношение к архитектору Олтаржевскому. Я сказал, что не знаю. Спрошу.

– Как же не знаешь? Я тебе в детстве рассказывал! И отец рассказывал! – проворчал Андрей Петрович. Его седина на висках, казалось, зашевелились от возмущения.

Саша сосредоточенно подул в чашку. Отец заступился за сына:

– Откуда он помнит? Он маленький был! А приятель твой, откуда узнал?

– Он мне не приятель. В одной группе учимся. Его отец в ФСБ служит. Он ему сказал. Старшие переглянулись.

– Эх вы, Ивановы, не помнящие родства! До третьего колена родни не знаете и не хотите знать. Историей своей страны не интересуетесь! – заворчал Андрей Петрович.

– Андрей! – укоризненно одёрнула Света.

Саша надулся. Взглянул на ручные часы:

– Мне пора. Скоро автобус в город.

– Не петушишься, – примирительно сказал отец. – Я тебя отвезу. Я о наших предках тоже поздно узнал. В двадцать. Раньше не до того было. Отец рассказал.

Все посмотрели на Андрея Петровича. Тот, все еще обиженный на внука, закапризничал:

– Что? Ничего особенного я не помню!

– Помнишь! Рассказывай! – улыбнулся сын. Он знал, что у старого журналиста великолепная память (в шестьдесят с хвостом он не пользовался записной книжкой и держал в голове десятки телефонных номеров друзей и знакомых): отец слыл в их с матерью бывшей компании блестящим рассказчиком.

Андрей Петрович поерзал на стуле.

– Нечего рассказывать! До реабилитации Бухарина и тех, кто шёл с ним по делу, о Вячеславе Константиновиче почти не говорили. Знаешь, кто такой Бухарин и Ленин? – спросил он внука.

– Ну, так! Проходили по истории.

Андрей Петрович снова поёрзал, но проглотил заготовленную колкость.

– Бухарин крупный государственный деятель СССР двадцатых—тридцатых годов. Его расстреляли в тридцать восьмом. Твоему прадеду дали пятнадцать лет лагерей по тому же делу и отправили в Воркуту, где назначили главным архитектором города. Там до сих пор на одном из зданий угольной шахты стоит памятник оленю, его работы. И дом начальника разреза, спроектированный прапрадедом. Из лагеря Вячеслав Константинович написал Сталину. Всего одно предложение. О том, что после войны стране понадобятся архитекторы, чтобы восстанавливать разрушенные здания и города. На той же странице он набросал эскизы будущих советских небоскребов. Написал он вождю в сорок втором, когда немцы стояли под Сталинградом. А в сорок третьем его освободили и отправили в Москву. Более того – как ни в чем не бывало, разрешили работать, словно он был в командировке. В семье досрочное освобождение Вячеслава Константиновича всегда считали чудом. Ведь столько людей сгинуло за менее значительные прегрешения.

– Вождю понравилась его прагматичная уверенность в победе, – сказал сын.

– Возможно. Считается, что Олтаржевского посадили по делу Бухарина. Но отец мне рассказывал, что в этой истории замешана женщина. Иначе Вячеслава Константиновича расстреляли бы, как расстреляли по тому же делу многих, в том числе его прямого начальника, наркома земледелия Михал Александрыча Чернова.

– Какая женщина? – В глазах внука появился интерес.

– Американка. Кажется, жена голливудской знаменитости Джоэла Маккри. Или её подруга. Боюсь перевернуть. Маккри снимался в вестернах и был популярен не менее, чем Гэри Купер. При обыске у прапрадеда нашли то ли дневник, где рассказывалось об их отношениях, когда он жил в Америке, то ли письма от неё.

– Мой прапрадед жил в Америке? – удивился Саша.

– Да. Он работал в США десять лет. Окончил экстерном Нью-Йоркский университет. Был членом американского института архитектуры, что считалось высшим признанием профессионализма. Был профессором Колумбийского университета по курсу архитектурного проектирования. У него была даже своя проектная фирма, которая специализировалась на гостиницах. В штате Нью-Джерси он построил фешенебельный курорт под названием «Королевские сосны». Спроектировал не только общий план курорта, но здания отеля, ресторан, клуб, роскошные интерьеры. Элитный, как сейчас принято говорить, курорт был очень популярен среди бизнесменов и творческой интеллигенции. Кстати, легендарный Аль Капоне, большой любитель роскоши, отдыхал исключительно в «Королевских соснах». Он, между делом, отлично играл на бильярде и выиграл все соревнования в Нью-Йорке, пока не стал головорезом.

– Ни фига себе! – воскликнул Саша. – Мой прапрадед был мафиози?

– Видал! Про Капоне слышал, а про прадеда нет! – сказал Андрей Петрович сыну. – Я не говорил, что он был мафиози! На его курорте отдыхал мафиози!

– Не отвлекайся. Доскажи про женщину, – попросил Вячеслав Андреевич.

– А что досказывать? Об этой истории никто ничего не знает. Все архивы Вячеслава Константиновича до сих пор засекречены ФСБ. Знаю лишь то, что перед самым возвращением в СССР в 1935 году он подписал чете Маккри свою книгу по архитектуре. Называется книга «Современный Вавилон». Предисловие к ней написал Харви Корбетт. Тот самый Корбетт, который построил тридцатипятиэтажный небоскрёб «Буш-Тауэр» на Манхэттене возле Таймсквер, и «Буш-хаус» в Лондоне, за что стал членом Королевского института британских архитекторов. Корбетт, кстати, давал вашему прапрадеду рекомендации в институт архитектуры и был его коллегой по Колумбийскому университету. Вторую рекомендацию дал Уолесс Харрисон. Тот самый, кто проектировал Рокфеллер-центр в Нью-Йорке, комплекс зданий ООН и Метрополитен-оперу. Между прочим, все трое участвовали в конкурсе на проектирование мемориала Христофору Колумбу в Санто-Доминго, и наш родственник победил. Но из-за того, что прадед был из СССР, решили поставить памятник работы шотландца Джозефа Ли Глива. Построили его лишь восемь лет назад. Говорят, памятник неудачный. Но самое любопытное, что ни Корбетт, ни Харрисон никогда, нигде не упоминали о Вячеславе Константиновиче! Еще в шестидесятые, сразу после его смерти, я просил кое-кого из коллег, работавших за границей, узнать, нет ли чего о нём в американских или европейских библиотеках. Работы его там хорошо известны. Но никаких упоминаний о нём, как о частном лице, нет.

– Это просто объяснить, – сказал Вячеслав Андреевич. – Люди неглупые, они, очевидно, знали или, во всяком случае, слышали о репрессиях в СССР. Может, даже знали, что их коллегу посадили, и молчали, чтобы не угробить его.

– Всякое может быть, – согласился Андрей Петрович.

– А как прапрадед попал в Америку? – спросил Саша.

– Андрей, расскажи по порядку! У тебя привычка перескакивать! – сказала Света.

– Да что рассказывать! Я знаю со слов отца, то есть вашего прадеда и прапрадеда. Могу перевернуть – времени-то сколько прошло! – Андрей Петрович отхлебнул из чашки, вспоми-

ная. Несмотря на ворчливый тон, было видно, что ему приятен интерес внука. – Вячеславу Константиновичу было пять лет, когда его отец, Константин Степанович, умер – он служил на железной дороге. У Вячеслава Константиновича было четыре брата. Старший Георгий тоже стал знаменитым архитектором. Он в основном строил доходные дома. В Москве сохранилось с дюжину спроектированных им зданий. Если захочешь, – сказал дед внуку, – я тебе покажу их. Или сам посмотришь: адреса я дам. В одном из этих домов, кстати, жил великий русский композитор и пианист Скрябин. Гений. Именно он впервые использовал светомузыку.

– Не отвлекайся, – сказал Вячеслав Андреевич.

– А я не отвлекаюсь! Как можно понять эпоху, разговаривая на узкопрофессиональные темы? Русская культура – это не расставленные по пыльным полочкам статуэтки знаменитостей, каждая по отдельности! Представь, что в ту эпоху творили Блок и Ахматова, Маяковский и Цветаева, Гиппиус и Мережковский, Бунин и Горький – твой отец знает, изучал. Заговорил о Блоке – говори о Менделееве. Заговорил о Менделееве, а значит, о Вернадском, Попове, Павлове, Жуковском, Столетове, Циолковском, Шухове. Заговорил о братьях Столетовых – нате Шипку и русские победы до и после болгар. О Шухове? – получите Шаболовскую телебашню и еще двести башен и пятьсот мостов по всему миру, плюс – производство бензина по его методу, без которого мы бы сейчас ходили пешком. Вспомнили Шухова, а значит – Щусева, Шехтеля, Руднева, Щуко. А с ними Мухину, Коненкова, Нестерова, Серова, Поленова, Васнецова. Опять же – Малевича, Кандинского, Рериха. Я назвал лишь немногих представителей русской культуры и науки мирового масштаба! Вот, в какую эпоху начинал ваш двоюродный прапрадед! Это для идиотов на Западе у России ничего нет, кроме газовой трубы! – Андрей Петрович снова отхлебнул из чашки и заговорил спокойнее. – Вячеслав Константинович окончил Суриковский институт, который, между прочим, в разное время заканчивали Левитан, Коровин, Маковский. Класс живописи здесь вели Саврасов, Перов и Поленов. Приличная компания, а? Так вот, ваш прапрадед во время первой русской революции, когда закрылись все учебные заведения в России, чтобы не терять времени, поехал учиться в Венскую академию искусств к профессору Отто Вагнеру! Венский сецессион! Захочешь, посмотришь в энциклопедии, что это, – сказал дед внуку. – Направление Вячеслав Константиновичу в академию дал его учитель Иванов-Шиц, который, кстати, тоже заканчивал её. Среди прочего, он перестроил правительственный санаторий в Барвихе и Большой Кремлевский дворец под зал заседаний Верховного Совета. Правда, зал заседаний после него переделали. В Венскую академию в своё время поступал и не поступил Адольф Гитлер. За это он пообещал отомстить австрийцам. И отомстил. Так что можете представить масштаб личности вашего пращура. М-да, только один вошёл в историю как упырь, а другой всю жизнь создавал, а его знают лишь специалисты, – Андрей Петрович поскреб мизинцем бровь. – Вячеслав Константинович в анкетах ничего не рассказывал о родственниках, потому что, насколько знаю, два его брата, помимо Жоры и вашего прапрадеда Петра, в Гражданскую воевали за белых. Один, кажется, Сергей, уплыл с войсками Врангеля в Турцию – следы его теряются в Сербии. Судьба другого брата, Ивана, неизвестна. Говорили, что он погиб или сошёл с ума. Очевидно из-за братьев в биографии Вячеслава Константиновича так много пробелов. Сам-то он в Первую мировую был призван инженером, а в Гражданскую служил у красных – строил для них. Трагедия семьи – один брат у красных, двое других – у белых.

Проектировать он начал еще студентом. В начале века по распоряжению Николая II начали строить Московскую окружную железную дорогу. Это уникальная транспортная развязка. Тогда таких в мире еще не было. Зачем? В те времена перевозкой грузов с вокзалов занимались ломовые извозчики. Ломовики возили снег, нечистоты – таких называли «золотым обозом». Другие возили воду, продукты в лавки, наподобие нынешних «Газелек». Естественно, все подъезды к вокзалам были забиты телегами. Нужно было разгрузить Москву.

Царь подписал указ о строительстве. Строить поручили Иванову-Шицу. Он в то время был крупнейшим в России специалистом по стилю модерн и мечтал создать что-то наподобие Штадтбана в Вене – это городская железная дорога. Естественно, ему нужны были помощники. Архитекторы, разделяющие его стилевые предпочтения. Он пригласил братьев Олтаржевских, Жору и Славу. В результате они построили пятнадцать вокзалов: Владыкино, Воробьевы горы, Петровско-Разумовская, Братеево, Серебряный Бор, Лихоборы и еще что-то. Я твоему отцу показывал фотографии станций, сделанные его прадедом Петей. Оригиналы фотографий сейчас хранятся в музее архитектуры имени Щусева. Ломовые извозчики перестали перекрывать улицы. А ваши родственники заработали себе профессиональную репутацию. – Андрей Петрович прихлебнул из чашки в очередной раз. – Театр Ленком Марка Захарова на Малой Дмитровке знаешь? Ну так вот, строили его как здание Московского купеческого клуба. Потом здесь был «дом анархии». Ленин произнес тут на каком-то съезде: «Учиться, учиться, учиться!» Потом здесь устроили кинотеатр, который посещали тогда еще студенты Эйзенштейн и Ромм. Так вот, здание Купеческого клуба тоже построили Иванов-Шиц и твой прапрадед. Вместе они проработали четыре года.

– Вячеслав Константинович много построил? – осторожно спросил Саша.

– Достаточно! Помимо дюжины доходных домов и станций окружной железной дороги, главные его работы в Москве – это Киевский вокзал совместно с Шуховым и Рербергом: знаменитый застеклённый перрон Киевского вокзала – проект Вячеслава Константиновича! Квартал зданий Северного страхового общества на Ильинке, тоже он строил, опять же с Рербергом. Если смотреть с Красной площади в сторону Ильинки, в конце улицы стоит угловое здание, с башенкой с часами – это его проект. Одно из зданий фасадом выходит на Новую площадь, другое – на Ильинку. Сейчас там размещаются рабочие кабинеты сотрудников Администрации Президента. На здании установлена мемориальная доска с указанием времени постройки и именами авторов проекта.

Рерберг преподавал Олтаржевскому в Суриковском училище и знал Вячеслава Константиновича, как добросовестного студента. Именно Рерберг построил знаменитый магазин «Мюр и Мерлиз» – ныне ЦУМ. А в своё время участвовал в строительстве здания Музея изящных искусств имени Пушкина. Для Рерберга Северное страховое общество – это первый крупный самостоятельный инженерный проект, а для Вячеслава Константиновича – первый проект, где он самостоятельно делал архитектурную часть.

Надо сказать, что строить на Ильинке в те времена, как и ныне, было почетно. Этот район возле Кремля всегда занимали административные здания процветающих компаний. Вообще, Ильинка вошла в историю со времен Бориса Годунова. Само название – Ильинка – произошло от церкви Ильи Пророка, построенной в 1518 году. Знаменитейшее место! Кто скажет, чем? – Андрей Петрович весело посмотрел на сына и внука. Он вошёл во вкус, и собственный рассказ доставлял ему удовольствие.

– В 1606 году набат Ильинской церкви поднял восстание против Лжедмитрия I. Самозванца свергли и убили, – прихлебывая с ложечки, подсказал Вячеслав Андреевич.

– Я же не тебя спрашиваю! Тебе положено знать! Словом, Ильинка в те времена была главной деловой улицей Москвы. К тому времени Померанцев построил рядом Верхние торговые ряды – нынешний ГУМ.

Андрей Петрович слизнул с ложечки варенье. Света, воспользовавшись паузой, поспешила вставить свое слово:

– Андрей, если ты будешь рассказывать о каждом доме, ты до ночи не закончишь.

– А куда спешить! – Андрей Петрович подумал, собираясь с мыслями. – Вячеслав Константинович также спроектировал высотную гостиницу «Украина». Напротив, через реку – Дом правительства, кстати, проектировал Чечулин, в то время главный архитектор Москвы. Герой соцтруда. Но идея проекта, опять же, принадлежала Олтаржевскому. Они тогда все были

помещаны на гигантском ДOME Советов, ведь считалось, что умение строить высотки есть показатель уровня технологического развития страны. Дом Советов так и не построили, но проект Олтаржевского отчасти воплотили в ДOME правительства.

Вдохновителем идеи московских высоток считается Сталин. Но подсказал ему эту идею Олтаржевский. Он слыл крупнейшим специалистом высотного строительства в стране. Хотя Чечулин в своих воспоминаниях утверждает, что именно он надоумил Сталина о высотках.

Андрей Петрович на мгновение задумался.

– В истории с московскими небоскребами есть много странного. Нигде никогда не упоминалось о том, кто и когда разработал схему размещения высотных зданий в городе. С января 1947 года, когда приняли решение об их строительстве, по апрель 1949-го, когда опубликовали сообщение о награждении их создателей, в газетах о проектах не писали. Не устраивали даже формальные конкурсы. Не публиковали эскизы и промежуточные результаты проектирования. Возможно, такая секретность объясняется тем, что высотки поручили лично Берии, и некоторые из московских небоскребов, как, например, здание университета, строили зеки.

Планировали построить восемь высоток, одну из них в Зарядье, около Кремля. Сначала она предназначалась для министерства тяжелого машиностроения, а затем для ведомства Берии. Строить начали в 1952 году с дома на Котельнической набережной. После смерти Сталина Берию расстреляли, на месте министерства в Зарядье в 1964 году начали строить гостиницу «Россия».

– Я читал, что высотки делали разные архитекторы, – осторожно сказал Саша.

– Это верно, – подтвердил дед. – Но обрати внимание, их проекты по стилю резко отличаются от всего, что в те годы строилось в Москве – возьми хотя бы сталинскую коммуналку отца. И при этом высотки поразительно похожи друг на друга, как будто сделаны одним и тем же архитектором или в одной и той же мастерской. Потому, что все авторские коллективы консультировал один человек! Вячеслав Константинович! Он много лет работал в Америке на строительстве небоскребов. На практике лучше всех знал, как они возводятся. Спроектированная им гостиница «Украина» считается каноническим образцом и несколько раз воспроизводилась в проектах высотных зданий для других городов и стран. Например, Дворец науки и культуры в Варшаве Льва Руднева. Руднев же проектировал здание университета на Воробьевых горах. А Вячеслав Константинович в конце пятидесятых спроектировал здание Академии наук Латвии в соавторстве с местными нацкадрами – тогда в группу обязательно включали местных.

Проектировать «Украину» начали в 1948 году. Тогда она называлась «гостиница в Дорогомилово». При Годунове тут была Ямская извозничья слобода. Так вот, проектирование гостиницы поручили Мордвинову. В то время он был председателем Комитета по делам строительства и архитектуры при Совмине СССР и непосредственным начальником Вячеслава Константиновича. Ваш прадед руководил в Комитете отделом. Поручили проект Олтаржевскому – ведь в Америке он специализировался именно на гостиницах. Закончили «Украину» в 1957 году. Гостиница стала самой большой в Европе и самой шикарной высоткой из всех задуманных. В том же 57-м Кутузовский проспект соединил с Новым Арбатом Новоарбатский мост.

Вячеслав Константинович работал с всемогущим наркомом. Встречался со Сталиным. Проектирование началось всего через четыре года после его освобождения. Опять же, без поддержки вождя, он бы не осуществил главный проект своей жизни – Всероссийскую сельскохозяйственную выставку в Москве. Ее очень любил Сталин. Часто приезжал туда.

– Выставку тоже прапрадед делал? – удивился Саша.

– Да. Причем, в проектировании ВДНХ опять не обошлось без странностей. Когда Вячеслава Константиновича посадили, кто-то из его коллег обратил внимание на то, что план выставки напоминает православный крест. Очевидно, доброхоты обратили на это внимание

советского руководства. А ведь с конца двадцатых годов партия с Церковью беспощадно боролась.

Еще на ВДНХ Вячеслав Константинович спроектировал центральный павильон «Механизация». А перед ним поставил двадцатипятиметровый памятник Сталину. Сейчас на месте «Механизации» – «Космос». Так вот, все сооружения на площади перед павильоном представляли уменьшенную модель Солнечной системы и были расположены, как планеты вокруг Солнца.

Отец рассказывал, что когда Вячеслава Константиновича назначили руководителем проекта, он очень долго искал место для выставки. Измучился. Тогда он обратился к астрологу. В советское время это казалось непостижимым. Астролог, старушка, подсказала пустынное болото возле Ярославского шоссе в Останкинском лесу. Рядом дворец графа Шереметева. А наши предки умели выбирать лучшие места для жизни. Это в советское время строили на бывших кладбищах. Так вот, в нашей семье есть предание, будто Вячеслав Константинович гулял в Останкинском лесу и у озерца нашёл камешек с дырочкой. Такой камешек в народе называют «куриный бог». Считается, что «куриный бог» приносит удачу. Как только Вячеслав Константинович поднял камешек, в его голове появился план выставки, а также грандиозные перестроения по первой Мещанской улице. Ныне это проспект Мира. Оставалось лишь перенести план на бумагу!

Кстати, рассказывают, что Вера Мухина именно в этих местах нашла такой же камешек и придумала Рабочего и Колхозницу. А в придачу к ним – гранёный стакан.

Слушатели улыбнулись.

– Что улыбаетесь? Вера Мухина придумала гранёный стакан!

– Это спорный вопрос! Но на стекольном заводе она работала! – возразил Вячеслав Андреевич.

– Неважно! Словом, поделаться с общим планом выставки ничего уже не могли – в строительство вбухали колоссальные деньги: осушили болота, выкорчевали лес. Единственное, что сделали, пока сидел Вячеслав Константинович, это снесли или перестроили многое из того, что он спроектировал. Ну и – вычеркнули его имя из памяти потомков. А вот уничтожить или перенести выставку в другое место не получилось.

Вячеслав Константинович делал другие проекты – восстановления Минска, застройки острова Кипсала в Риге, центральной площади в Сталинграде.

– Так за что же его посадили – за Бухарина, за выставку или за женщину? – уточнил внук.

– Хм! – дед задумался. – Думаю, за всё вместе. В конкурсе проектов ВДНХ участвовали многие. Среди прочих – художник Лисицкий. Конкурс он проиграл. А потому как сроки открытия выставки дважды сдвигали, руководителей проекта обвинили во вредительстве. За два года к двадцатилетию Октябрьской революции выставку физически невозможно было построить. Лисицкий написал донос. Вслед за ним из доносчиков выстроилась очередь. Тут подвернулось дело Бухарина.

А Вячеслав Константинович к тому же никогда не скрывал, что вернулся из США ради выставки. Он говорил, что построит «рай на земле». В то время под руководством первого секретаря московского горкома партии Кагановича рыли московское метро. Острословы шутили, мол, если Олтаржевский строит рай на Земле, что тогда копает Каганович под землей, преисподнюю? Лазарь Моисеевич слыл человеком мстительным. Он не прощал такие шутки. Так что версия мести тоже вероятна.

Думаю, пролетарской верхушке было за что его не любить. Дед рассказывал, что Вячеслав Константинович мог запросто ответить по телефону на беглом английском, а затем дальше продолжать совещание на русском, в то время как многие вожди и по-русски-то говорили с ошибками. Скорее всего, против Вячеслава Константиновича сошлось всё – и связь с Бухариным, и месть Кагановича, и письма. Но главное – дело Бухарина.

– Как же они сошлись, если прадед жил в Америке, а Бухарин здесь? – удивился Саша.

– Хороший вопрос! В 1930 году Вячеслав Константинович приехал в Париж и принял участие в анонимном конкурсе на проектирование площади маршала Фоша. Фердинанд Фош командовал объединёнными союзными войсками Англии и Франции в Первую мировую, а потом организовал интервенцию в Советскую Россию. Не вдаваясь в подробности, скажу, что Вячеслав Константинович выиграл конкурс и получил денежный приз. Пока дожидался итогов, успел спроектировать дом на Елисейских полях и особняк в окрестностях Парижа. А Бухарина к тому времени уже сняли со всех политических постов. Он оставался академиком и председателем какой-то научной комиссии. Кажется, по истории знаний... Точно не скажу. Бухарина считали заступником интеллигенции. Он помогал Мандельштаму и Пастернаку. В Париж Бухарин приехал на конференцию и захотел познакомиться со знаменитым архитектором из России. О чём они говорили, никто не знает.

Думаю, еще одна причина, почему Вячеслав Константинович оказался в опале, в том, что стиль конструктивизма тридцатых годов к середине десятилетия стал раздражать руководство страны. Назрела необходимость вернуться к пышной классической архитектуре. Нужно было подчеркнуть достижения советского строя. В Москве в то время уже укоренился «сталинский ампи́р». А у нас, как известно, все идейные столкновения, даже в культуре, заканчиваются истреблением противников.

– Но ведь прадеда не убили?

– Слава Богу! Так что, товарищ внук, – ты принадлежишь к интеллигентнейшему роду советской аристократии, честно служившей своей стране. А один из её представителей, как часто бывает с гениями, незаслуженно забыт потомками. Нет худшего наказания для творческого человека, чем забвение!

– Не сгущай. Его жизнь в целом сложилась удачно, – возразил Вячеслав Андреевич. – Ему дали Сталинскую премию. Он стал заслуженным деятелем искусств Кабардино-Балкарии – сделал памятник в Нальчике к четырехсотлетию присоединения к России. Был доктором архитектуры. Его знают в Штатах, Латинской Америке, Франции, Австрии.

– Пожалуй! – покивал Андрей Петрович. – Я удовлетворил твоё любопытство?

– Ну да, – неопределенно промычал Саша, по ювенальной привычке стараясь не проявлять эмоций. – А ты его видел?

– Видел. В детстве. Первый раз в середине сороковых, через пару лет после того, как он вернулся из лагеря. Тогда я не знал, что он сидел. Дед брал меня к ним в гости несколько раз. Жили они в Кривоколенном переулке в бывшем доме князей Голицыных. Помнишь, в фильме «Место встречи изменить нельзя» Жеглов говорит Шарапову: «В паспорте у него не написано, что он бандит. Наоборот даже – написано, что он гражданин. Прописан по какому-нибудь там Кривоколенному, пять. Возьми-ка его за рупь двадцать!» – под Высоцкого прохрипел Андрей Петрович. Все засмеялись. – Кстати в том же переулке, в особняке Веневитиновых Пушкин читал своего «Бориса Годунова». В переулке жили историк Карамзин, архитектор Шухов, бард Александр Галич. Тогда я таких подробностей не знал. Ныне в переулке живёт артист Георгий Вицин. Тоже из дворян.

Когда мы пришли в первый раз, в прихожей нас встретил седой дедушка со старомодной бородкой клинышком и усами. На нём был галстук, а воротник рубашки – белый-белый. Помню его улыбку и взгляд. В десять лет в психологии не копаешься, а сейчас бы я сказал, взгляд такой, будто он смотрел в себя. Братья уединялись в соседней комнате. Меня оставляли с бабушкой Машей, женой Вячеслава Константиновича. Не помню её лица. В памяти осталось что-то ласковое и светлое. Мария Викентьевна разговаривала тихим голосом, угощала меня конфетами и пряниками. Когда она открывала дверцу комода, по комнате разносился сладкий запах. Запах мне очень нравился. После войны был страшный голод. Лебеду, как в деревне, мы не ели, но конфеты и пряники в доме считались невиданной роскошью. Еще помню, как

мне было неловко из-за того, что бабушка Маша считала меня маленьким. Она сажала меня за круглый стол с белой скатертью и кормила. То есть сама приносила мне с кухни супницу – это такая овальная фарфоровая кастрюля с крышкой, и половником наливала в тарелку суп. Потом приносила котлеты. А я стеснялся! Во-первых, потому что мне прислуживала старушка, которую я плохо знал. Иначе я бы поел на кухне. А во-вторых, потому что после обеда, она, как маленькому, в первый раз дала мне бумагу и карандаши, чтобы я рисовал. Отказаться было неловко. Я взял книгу из их библиотеки. Библиотека была замечательная. После этого бабушка Маша карандаши мне не предлагала.

Думаю, дед водил меня к Вячеславу Константиновичу подкормить. Взрослые ели отдельно, с водочкой и своими разговорами. При мне серьезных вещей не обсуждали. По правде говоря, с ними в комнате я был лишь раз. Вячеслав Константинович курил трубку – причем махорку, а не хороший табак. К махорке он привык в лагере. От неё у меня драло глотку, я закашлялся, и братья вышли.

Пока они беседовали, я читал в кресле, а Мария Викентьевна вышивала гладью, – продолжал Андрей Петрович. – Она была вышивальщицей знамён. Мастер точнейших ручных аппликаций. Это сейчас знамёна и флаги делают на высокоточном оборудовании. А в старые времена – профессия вышивальщиц ценилась. Они вышивали вручную на шёлковом знаменном фая по специальному эскизу таких замечательных художников, как Метельков или Колобов.

М-да. После того как дед Петя умер, у его брата я больше не был. Мы хоть и родственники, но очень дальние. В шестьдесят шестом году Вячеслав Константинович умер. Я тогда был в командировке. Позже мы с отцом ездили на Ваганьковское кладбище на могилу Вячеслава Константиновича.

– А дети у него были? – спросил Саша.

– Нет. Из родни по линии Олтаржевских, я слышал, в Москве жила лишь дочь деда Ивана, пропавшего в Гражданскую войну. Наталья Ивановна. Когда она вернулась в Россию, не знаю. Может, никогда не выезжала отсюда. Однажды, до войны, она передала открытку нашему деду Пете от брата Ивана. В открытке было несколько слов для Вячеслава Константиновича. Я знаю об этом, потому что дед Петя носил открытку ему, а перед смертью отдал её мне. Сейчас Наталья Ивановна под девяносто. Наверное, умерла.

– Дед, а почему ты не стал архитектором?

– Бог таланта не дал! Слышал, наверное, что природа отдыхает на потомках гениев? В истории нет двух Сократов, двух Да Винчи, двух Пушкиных, двух Эйнштейнов и так далее. Ни до, ни после в роду гениев никогда не бывало других гениев.

– За исключением Штраусов и Дюма, – вставил Вячеслав Андреевич.

– Значит, моя жизнь пройдёт даром? – спросил Саша.

– Не обязательно быть великим, чтобы прожить её достойно!

– Дед, откуда ты столько знаешь?

– Вся мудрость в книгах! А еще старших слушал!

Света спросила, останутся ли гости ночевать. Вячеслав Андреевич вечером собирался в Москву. У Саши с утра были пары.

Кутаясь в платок, Света отправилась чистить картошку.

– Саня, помоги на кухне! Нам с дедом надо поговорить! – сказал отец, и хотя Света крикнула из кухни: «Я сама!» – Олтаржевские, гремя стульями, дружно встали.

– Пошли наверх! – сказал Андрей Петрович.

Вячеслав Андреевич захватил куртку – наверху было прохладно.

Вдвоем они поднялись по грубо сколоченной деревянной лестнице на второй этаж.

В тесной мансарде помещалась двуспальная кровать на низкой раме, застеленная лоскутным одеялом, и этажерка с книгами. Отец, кряхтя, уселся на кровать, а сыну подвинул ободранный кошачьими когтями стул. Вячеслав Андреевич бросил на него куртку.

– Что с работой? – спросил Андрей Петрович.

– Хотел посоветоваться, – сын, опустив руки в карманы джинсов, взглянул в окно на пустынный огород и заиненные крыши соседских дач. – Гусь намылился из России. Предложил мне заменить его здесь.

– Какой Гусь? Аркадий, что ли?

Вячеслав Андреевич рассказал о встрече на набережной.

– Теперь ясно, откуда Сашкин товарищ узнал про деда! Тебя проверяют, – сказал отец.

– Возможно.

– И что ты решил?

– Не знаю.

– Ты понимаешь, куда лезешь? Я даже не о том, справишься ты. Правительство и бизнес – это закрытый клуб. Они тебя облапошат, как Ваньку-дурака. Убьют или посадят, как твоего Гуся. Ты же видишь, что в стране творится. Гражданская война! Только без красных и белых.

– Гуся вчера выпустили, – сдержанно сказал сын. – Завтра мы с ним встречаемся.

– Держись подальше от него! – встревожился отец. – Ему нужен попка. А ты ученый. В политике ничего не смыслишь. Ты слишком честен, чтобы слепо повиноваться.

– Ты же знаешь – я давно не ученый. И никогда им не был! Защитился, чтоб доказать себе, что могу. От честности моей тоже ничего не осталось. Для нищего честность – роскошь. Не велика заслуга в сорок пять быть честным и безработным!

– Интеллигентская болтовня! Всем трудно! Но это не повод ввязываться в авантюры.

– Саше и Насте еще учиться и учиться. А я им за полгода ни копейки не дал. И ты на пенсию не проживешь. Других предложений нет. Так что выбирать не приходится.

– Обо мне не беспокойся. Мы со Светой как-нибудь проживём. – Отец замолчал, понимая, что в остальном сын прав. – Я не знаю, зачем ты понадобился Аркадию, – снова осторожно заговорил отец: после ранения сына он привык с ним не спорить. – Но могу повторить лишь то, что сказал Сашке – наши предки всю жизнь служили своей стране при любой власти и ничем не запятнали себя. Не забывай, что твой дед и прадед были интеллигентами. Не знаю, чем ты будешь заниматься у Гуськова. Но боюсь, что Аркадий или его противники используют нашу фамилию для каких-нибудь мерзостей.

– Вряд ли кто-нибудь из тех, кто сейчас у власти, имеет представление о нашей фамилии.

– Возможно. Но стоит тебе оступиться, как газетчики наврут, что ты пролез наверх благодаря связям, а не способностям, и вывалят тебя в грязи. – Он помолчал. – Я всю жизнь работал в системе. Меня можно упрекнуть в том, что я знал то, чего не знали другие, и все равно служил им. Но я никогда не делал подлости, как не делали подлости ни мой отец, ни дед. Я работал, чтобы люди верили в справедливость. Пусть приукрашенную. Но они верили, что строят великую страну и в этом видели смысл своей жизни!

– Никто тебя ни в чем не обвиняет, – проговорил Вячеслав Андреевич, опасаясь, что отец снова сядет на своего любимого конька и станет обличать власть. – Я сам не знаю, зачем мне это нужно? Из-за куска хлеба? Рано или поздно пристроюсь куда-нибудь. С вами вот только... – он опять вздохнул. – Живут ведь как-то другие!

За забором сосед в ушанке пробовал приставить лестницу к крыше сарая. Лестницы не хватало.

– Мне тут один знакомый сказал, что каждый человек рано или поздно будет востребован временем. Думаю, пора уже что-то сделать!

– Не нравится мне твой фатализм!

Сосед подложил под лестницу два кирпичика. Подергал, проверил устойчивость, и, хватаясь за жерди, опасно полез наверх.

Вячеслав Андреевич искал деньги во внутренних карманах куртки. Вынул тетрадь и отложил её на журнальный стол, чтобы не мешала.

– Что это? – спросил отец.

– Так. Ерунда. Купил по случаю.

Отец раскрыл книгу. Подставил её свету из окна, и, близоруко щурясь, полистал. Но не обнаружил ничего интересного.

Между тем сын наконец нашёл в куртке пачку денег и половину выложил на столик. Вторую половину запихнул в нагрудный карман рубашки.

– Что ты этим хочешь сказать? Что ты наконец научился организовывать свою жизнь?

– Это аванс от Гуся, – ответил Вячеслав Андреевич. – Купи себе что-нибудь. Найми рабочих. Начни, наконец, строить дом.

– Отдай деньги Сашке и Насте! – Отец перевёл взгляд с пачки на сына.

– Отдам! Если я соглашусь, всем хватит!

– Если ты возьмешь эти деньги, их придётся отрабатывать.

– Ты говоришь так, словно я заключаю сделку с дьяволом, – невесело усмехнулся сын.

– Даром так много не дают!

– Это из моей коммуналки и твоей избушки пятьсот тысяч – деньги.

– Ну, смотри сам! – Отец снова полистал тетрадь. – Слушай, а что это? Иероглифы! Яги и ери! Убери-ка! – Сын лениво затолкал пачку в задний карман джинсов. Дед громко позвал внука. Сашка появился тотчас. – Принеси мои очки, – попросил Андрей Петрович.

Через пару секунд внук протянул деду очки в пластмассовой оправе и облокотился о перила лестницы – здесь было интереснее, чем на кухне. Отец переложил куртку и сел на стул. Дед, лизнув палец, перелистывал страницы. Он долго изучал арабскую вязь и, как букинист накануне, деликатно не обратил внимания на запись о «жене сенатора».

– Любопытная стилизация под старину, – проговорил он и глянул исподлобья на сына. Вячеслав Андреевич молчал. – Может, что-нибудь скажешь? – нетерпеливо спросил отец.

Сын, вздохнув, как о ерунде, рассказал, где взял книгу, показал «автограф Пушкина». Отец скептически осмотрел запись прописью на французском языке.

– Зачем же ты его испоганил? Автограф! – он поскреб ногтем звезду Давида.

Сашка взял книгу. Пощупал кожаный переплёт. Полистал.

– Пап, а кто такой нарком Чернов? Не тот, про кого дед рассказывал? – спросил он.

– Где? – спросил дед. Взрослые склонились над тетрадью. – Смотри-ка, запомнил! Почерк не твой! – то ли спросил, то ли сказал старый журналист.

– Я же говорил – вещь древняя! – ответил Вячеслав Андреевич.

– Саш, будь другом, достань, пожалуйста, из-под этажерки чемодан, – попросил дед.

Парень вынул из-под нижней полки деревянный ящик с потертой холщовой обивкой. С этажерки свалился журнал. Парень положил его на место, поставил чемодан перед дедом и отряхнул ладони.

Андрей Петрович, щелкнув замками, откинул крышку с продольной трещиной. Осторожно вынул альбом с линялой виньеткой на обложке, лежавший среди картонных коробок, и на растопыренной пятерне принялся перекладывать картонные страницы. На каждой уместилось по две черно-белые фотографии стриженных под полубокс, чубатых мужчин в широких штанах довоенного кроя, женщин в плечистых платьях и с взбитыми, как у пуделей, коками, голенастых мальчиков и девочек в шортах и панاماх. Все обитатели альбома, одинаково худые, смотрели неулыбчиво и настороженно.

На последней странице дед быстро перебрал пальцем веер старых конвертов. Зацепил карточку без рисунка и почтового штемпеля, отдал альбом внуку и подтянул со стола раскрытую тетрадь.

Какое-то время старый журналист сравнивал записи на открытке и в тетради. Затем подвинул их к сыну. Тот долго всматривался в выцветшие, словно написанные желтой серой, крючки на карточке, не понимая, что необычного увидел отец. Почерк на открытке и в книге с просьбой наркому похлопотать о брате, а затем – чтобы брата выпустили, показался Вячеславу Андреевичу похожим.

– Что это? – удивился он.

– Открытка Ивана Константиновича. Его дочь Наталья до войны передала её деду Пете для брата. Я рассказывал.

– Не может быть, – пробормотал Вячеслав Андреевич и поднялся.

Получается, книгу на развалы принесла та самая родственница Олтаржевских. Вячеслав Андреевич представил невероятный оборот книги во времени – как бумеранг, она вернулась в семью – и повторил:

– Не может быть!

– Что не может быть? – насторожился отец.

«Чтобы кто-то из семьи пользовался книгой!» – мелькнуло в голове Вячеслава Андреевича. Он потер ожог на руке и занывшее запястье.

– Не может быть, чтобы между тетрадью и прадедом Славой была связь, – произнёс он и рассказал о том, что продавцу книгу принесла старушка.

– Ну и что в этом такого? – удивился отец.

– Если это блокнот деда Ивана, он не мог знать наркома. Ты сам говорил, что он пропал!

– Говорил, – растерялся дед. – Но почерк-то похож!

– Похож, – подтвердил Саша, изучая открытку.

– В твоём возрасте я во всём находил тайны, – проворчал отец.

– Почтовый штамп – это отметка с почты? – спросил парень. – А если штампа нет?

– Значит, открытку прислали в конверте или передали из рук в руки, – ответил дед.

– То есть прадед Иван был далеко, или не мог встретиться с братьями?

– Об этом лучше расскажет его дочь, – сказал отец. – Только зачем тебе?

– Чтобы узнать про нашу семью!

– Эк тебя зацепило! – добродушно осклабился дед.

– Дед, а где живёт бабуся, о которой ты говорил? Может, это она и есть?

– Наталья Ивановна? Не помню! Где-то у меня было записано.

– Пошли пить чай. Сань, включи чайник, – сказал Вячеслав Андреевич.

Парень неохотно вернул открытку деду.

– Ты, по-моему, что-то недоговариваешь! – сказал Андрей Петрович, когда внук ушёл.

– Что знал – рассказал. – Вячеслав Андреевич уложил и задвинул чемодан под этажерку.

Отдал деньги отцу: – Держи!

На этот раз Андрей Петрович не решился отказаться – в интонации сына слышались властные нотки – и бросил пачку на одеяло.

– Слав, как бы ни сложилось, помни, кто – ты и кто твои предки! А то станешь знаменитым, и все узнают, какая ты сволочь! – хихикнул журналист. Потом добавил помявшись, – Вот еще что, Слав. Я рассказывал про Кривоколенный и дом Веневитиновых. Это памятник истории архитектуры. Но сейчас на закон все плюют. Год назад дом признали аварийным. Жильцов расселили. Сам понимаешь, зачем! Пока ворье Москву не растащит, не уймется. Префектура Центрального округа хочет на месте дома конторы строить. Мне об их художествах сосед по даче Леонид Тарасыч рассказал. Он с жильцами подписи собирает против сноса. О чем я

хотел попросить. Если сможешь, похлопochи! А? Все ж Пушкин бывал. И предок твой жил. Снесут дом, считай, пропала Москва – за весь центр возьмутся.

– Я ж не Лужков! Что я могу?

– Ну, не ты, так твой Гусь. И гостиница «Украина»! – не слушал отец. – Её твой прапрадед строил! С дома уже лепнина сыпется. Скоро рухнет. Ты, когда там последний раз был?

– Никогда не был.

– Так обновить пора! – Отец, толкаясь на лестнице, принялся запугивать сына ужасами запустения высотки. Для себя попросил агентство печати при какой-нибудь префектуре, чтобы «не сидеть у тебя на шее». – Большую газету не потяну.

Вячеслав Андреевич лишь посмеивался.

...В Москву выехали по темноте. Из приемника лилась негромкая музыка.

– Тот, что про деда спрашивал, считает, что я на бюджет по благу попал, – сказал Саша.

– Чушь! С чего он взял?

– Из-за прапрадеда! Они там все такие – со связями! – парень хмыкнул. – Если бы ты знал, как я их ненавижу! Вечно торжествующее тупье с тормозной жидкостью в башке, и ту не доливают. Разговоры только про бабло и тачки! Про то, кто, куда на зиму поедет! Они на сто лет вперед знают, кем будут и что станут делать! И бабы у них такие же жадные дуры! – В голосе Саши слышалось холодное презрение и зависть.

Олтаржевский покосился на сына.

– Я для тебя не пример. Но удачно прожитую жизнь определяет не старт, а финиш, – сказал он.

На перекрестке у шоссе долго ждали, перед потоком рыжих фар и красных габаритов. Олтаржевский выудил из кармана несколько купюр и протянул сыну.

– Тебе на мороженое. Маме – я на днях завезу.

– По-царски! – парень убрал деньги. – Значит, правду дед сказал – буржуем стал?

– Пока не знаю, – отец газанул, вырулил и подмигнул аварийкой водителю сзади.

– Не стошнит? Ты же их ненавидел.

– Тебе-то что? Станешь сыном богатого отца. Будешь летать на каникулы за бугор!

Саша не ответил. Олтаржевский отвёз его и отогнал машину на стоянку.

Подумал и отправился в квартиру на Тверской.

9

В седьмом часу Олтаржевский умылся и позавтракал. Но Бешев позвонил, когда Тверская за окнами безнадежно встала, а Вячеслав Андреевич успел подремать одетым поверх покрывала. Вжав шею в плечи от утреннего озноба, он просеменил к машине, спросонья уже не понимая, куда и зачем едет. Рабочее настроение сменила скука.

Бешев жмурился на клочок белесого неба между крышами и благостно переступал с пяток на носки лакированных штиблет.

Он вежливо осведомился о самочувствии Вячеслава Андреевича. Олтаржевский вяло пожал плечами: «Нормально».

– Далеко ехать? – уныло спросил он.

– Нет.

Включив сирену, лимузин помчался по встречке в сторону Государственной думы.

Прикрыв веки, Олтаржевский попробовал задремать. Он подумал про Гуся, снова ощутил рабочий мандраж, но успокоился: Гусь подбирал исполнительного середнячка присмотреть за делом. Планы изданий, работа с редакторами, авралы, рутина...

Бог даст (или Гусь даст!), ему еще придется постылая газетная скука.

Он действительно задремал, потому что, когда открыл глаза, не мог понять, в какой части Москвы находится. По сторонам дороги мелькал лес, празднично припорошенный пер-

вым снегом. С шоссе свернули на заасфальтированный аппендикс к ресторану в русском стиле с резьбой и коньком на крыше. На парковке дожидались две дорогие машины и два квадратных «катафалка» с охраной Гуся. Машина Олтаржевского встала возле «Майбаха» Гуськова. Четыре охранника покуривали в сторонке. Они поздоровались с Бешевым и осторожно кивнули Олтаржевскому.

Через зал с рогами оленей и лосей, с оскаленными мордами кабанов, волков и лис прошли в уютную гостиную. Здесь Гусь в костюме без галстука расписной деревянной ложкой хлебал овсяные хлопья с молоком. Не поднимаясь со стула, он пихнул приятелю ладонь. Бешев положил перед олигархом флешку и ушел.

Гусь зыркнул на Олтаржевского.

– Чё рожа помятая? Бухал, что ли?

– Болел.

– Есть будешь?

– Нет. Если можно, растворимый кофе.

Гусь салфеткой промокнул губы и велел официанту принести кофе. Он вставил флешку, повозился с пультом и включил телевизор. На экране задвигались черно-белые Евграфов и Олтаржевский, снятые сверху и сбоку. Гусь прибавил звук. Досмотрев, нажал паузу, и двое на экране замерли в шаге от выхода с кухни.

Олтаржевский растерянно молчал.

– Кто этот хрыч? На него ничего нет, – подозрительно покосился Гусь на Олтаржевского.

– Не знаю. Обыкновенный дед! Я его второй раз в жизни вижу.

– Слав, живи там, сколько надо, но не води чужих. Охрана потом жучки по всей хате выковыривает.

– Будешь с ними бодаться?

– А ты как думал! Рога им обломаю! Чтоб зареклись даже дышать на меня! – вдруг взвизгнул Гусь и покраснел. – Они меня, они меня... – Губы Гуся затряслись, он всхлипнул, и, сняв очки, промокнул глаза носовым платком. – Сволочи! Знаешь, как это страшно! Только что ты был тут, и вдруг ты среди урок...

– Что от тебя хотят?

– Чтобы я продал бизнес. Иначе они отберут его даром. Лесин заставил меня подписать договор, по которому холдинг переходит «Газпрому». Но это мы еще поглядим!

– Они тебя дождут! Самое лучшее для тебя уехать, пока есть возможность! В Израиль! В Испанию! Куда хочешь! Скажи, что делать. Я попробую помочь.

Гусь высморкался в платок, надел очки, выбрался из-за стола и прошелся по комнате, заложив пальцы за брючный ремень.

– Ты говоришь, как мои адвокаты! – подозрительно зыркнул он на друга и хмыкнул презрительно. – Попробует он! Ты ж еще вчера не хотел со мной связываться! С чего вдруг решил? – Олтаржевский промолчал. Гусь вздохнул. – Без тя есть кому помогать! Если уж меня подвинули, тя подавно к большим деньгам не пустят! Твоя задача делать, что велят, и не просрать, что есть! С этими, – он презрительно кивнул, – договорились. Они своего попку на моё место пихать не станут. Ты устраиваешь всех.

– Главным редактором?

– Нет. Генеральным директором, Слава! Генеральным директором! – раздраженно повторил Гусь. – Вместо меня! Они согласились сразу. Будто знали, что я предложу именно тебя! – Он покосился на приятеля, словно ждал объяснений.

– Почему сразу не премьер-министром?

– Не остри. В общих чертах я тебе объяснил всё неделю назад.

– Мы говорили о твоём медийном бизнесе.

Гусь не посчитал нужным ответить.

– Сегодня я улетаю... из России, – он не решился сказать – куда, даже другу.

Гусь рассказал, что распорядился оформить на Олтаржевского право подписи финансовых документов, передал ему номер личного счета в банке Лихтенштейна, куда будет перечисляться процент от всех финансовых операций холдинга, и кредитную карту на текущие расходы. Кроме того, сообщил, что выставляет на продажу несколько особняков, и Олтаржевский может выбрать любой в рассрочку – главное, чтобы, после опалы вокруг него в России «жили преданные люди». (Олтаржевский подумал, что Гусь никогда не вернется в страну по своей воле!)

Рассказывая, Гусь то и дело настороженно поглядывал на приятеля, словно сверял по нему свои решения. В себе же Вячеслав Андреевич с любопытством наблюдал нечто новое: он был убежден – всё сложится в его пользу, и власть над обстоятельствами возбуждала, хотелось испытать её снова и снова.

– Видишь, Слав, как всё обернулось! Недели не прошло, как мы встретились. А я уже пустое место! – Гусь вдруг глупо захихикал. – Не знаю, Слав, кто ты нанял. Но ловко вы меня обработали! За пару дней! Теперь верю, что их ты тоже скрутишь в бараний рог.

– Гусь, никто меня не нанимал! Вы тут все параноики?

Гусь недобро хмыкнул.

– Все! Видел бы ты свою рожу! Самодовольная! Торжествующая! Как у тех, кто дожимал меня в Бутырке. Щечечут, а у самих из пасти пена капает – скорее хапнуть! Зенки горят: ну чего ты, жид пархатый, тянешь! Всё давно решено! У меня, наверное, такая же рожа была, когда я кого-нибудь о колено ломал. Вот и ты вкус почувствовал! Что будешь делать с бабосами? Бабосы немалые! Голова не закружится?

Олтаржевский пожал плечами:

– Когда пощупаю, тогда узнаю.

Гусь грустно покивал.

– С тех пор как мы встретились, Слава, ты ни разу не спросил про Эллу! Про мою мать и детей! Как они пережили всё это? Не спросил, что дальше с нами будет? Ладно, этим наплевать, что я родился в Москве! Что мой дом здесь! А не среди маргышек, куда меня выталкивают. Но ты-то мой друг! Для ты-то я не дойная корова, которую пора на убой!

Олтаржевский покраснел.

– Прости! Я думал, твои в Испании. Им ничего не угрожает. Я до сих пор не верю в то, что происходит. Мысли путаются. А главное, не знаю, нужно ли мне всё это?

– Поздно оглобли разворачивать! Я рекомендовал ты как опытного управленца. Ты не новичок – руководил людьми. Сейчас один человек подъедет. Он хочет познакомиться с тобой. Бойся, Слава, не тех, кто хочет сожрать тебя в бизнесе, а бойся того, кто жрет тебя изнутри. Как только ты начнёшь перешагивать через людей и решишь, что тебе можно всё, тебе конец! И еще! О таких вещах здесь не говорят. Но ты мой друг. По натуре ты писарчук. Но что бы ты здесь ни увидел и о чем бы ни узнал, держи язык за зубами! Свои мемуары на том свете Всевышнему расскажешь. В междоусобицы не лезь. Пусть грызутся. В холдинге тасуй людей чаще. Помни – они работают на тебя, а ты работаешь на меня! Пока, во всяком случае. Бешева не бойся. Мужик он тёртый. Я его из Росвооружения взял. Что он там делал, точно не знает никто. С ним живут дочь и внучка инвалид. За них любого удавит. Вернее пса не найдешь – только корми его хорошо.

Гусь едва договорил, как в комнату вошёл щуплый лысый человек с ехидным личиком, мефистофелевской бородкой и венчиком волос через затылок. Цепкий взгляд умных насмешливых глаз скользнул мимо Гуськова и Олтаржевского. Он не подал им руки и без приглашения присел в кресло.

– Руководитель администрации президента, – Гуськов назвал имя и фамилию, ничего Олтаржевскому не говорившие.

Чиновник жестом пригласил Олтаржевского присаживаться, даже не взглянув на него.

– Вас рекомендовали, как опытного медийщика. Надеюсь, вы понимаете, что стране сейчас не нужны потрясения? – спросил чиновник.

– Я не конфликтный человек, – ответил Олтаржевский.

Но в интонации собеседника чиновнику послышалось легкое противодействие или даже неудовольствие. Он посмотрел на него и решил, что у того слишком независимый взгляд и слишком умное лицо. Впрочем, подумал чиновник, живой человек, хорошо знающий свое дело, стоит больше, чем слепой исполнитель. А приручить можно любого.

– У вас есть своя точка зрения по вопросам медиавещания? – спросил чиновник.

– Вы хотите услышать моё откровенное мнение?

– Да. По возможности.

– Я считаю, что люди должны слушать и смотреть то, что они хотят. Они не настолько глупы, чтобы верить всему. Сравнивая, они сами сделают выводы. А для этого им нужен доступ ко всей информации.

– Вы говорите об интеллигенции. Хорошо образованного человека невозможно ввести в заблуждение. Его можно купить, чтобы сделать союзником. Или уничтожить. А что делать с остальными?

– Н-не знаю... – замялся Олтаржевский. Его смутил цинизм собеседника.

– Вы наверняка читали Конфуция, – сказал чиновник. – Он был министром юстиции и начинал как демократ. А закончил стратами. Лао Цзи зашифровывал свои теории, чтобы они не были доступны простому народу. Каббала три тысячи лет оставалась секретным учением, потому что избранные понимали, что значит снять пелену с глаз миллионов и сделать их самодостаточными. Как только простые люди осознают своё «я», манипулировать ими будет невозможно. Как тогда прикажете управлять обществом, где у всех собственное мнение, вовсе не то, что подают обученные правительством аналитики и политологи? Вы же понимаете, что никогда ни в одном обществе не было и не будет независимых средств массовой информации. СМИ помогают управлять людьми. А если человек сможет напрямую участвовать в управлении, мы получим хаос и анархию. Вы согласны?

– В постановке вопроса – да.

– Ну вот и хорошо! Вы ведь не собираетесь совершать революцию в умах?

– Нет, – сухо ответил Олтаржевский. В цинизме чиновника звучала издёвка. С такими людьми, по опыту знал Вячеслав Андреевич, спорить бесполезно.

– Договорились. Надеюсь, вы нам поможете.

– Скажите, а почему именно я? Есть много людей достойней. Настоящих профессионалов. О телевидении я знаю мало. Огромной компанией не управлял. Мы это оговаривали с Аркадием... с Ароном Самуиловичем.

Много лет занимаясь газетным ремеслом, Олтаржевский научился разговаривать с людьми на любые темы, никогда не высказывая свою истинную точку зрения, которую он мог обсуждать только с людьми своего круга. Но, оговаривая условия работы, он усвоил, что лучше говорить так, как есть, не дожидаясь, пока тебя вышибут за некомпетентность. Кроме того, ему не нравилось, когда по принципиальным вопросам им понукали.

Чиновник, несомненно, обладал острым умом и, затеяв спор, выяснял искренность собеседника, догадался Олтаржевский. Вячеслав Андреевич говорил то, что думал, не боясь потерять, ибо еще ничего не приобрёл. Но сейчас решил, что злоупотребил терпением чиновника, и сожалел о своей резкости. Впрочем, в нём снова окрепла уверенность – что бы и как он ни ответил, исход «собеседования» окажется в его пользу.

– Вы действительно очень прямой и откровенный человек, как рассказывал о вас Арон Самуилович, – сказал мужчина. – У вас есть преимущества перед другими. Вы человек новый в этой среде. Отличились на войне. У вас ведь есть правительственные награды?

– Да. Я награжден орденом Красной Звезды.

– Вы принадлежите к семье, много сделавшей для своей страны. Хороший послужной список – это очень важно для начала любой карьеры.

– Моя родословная не имеет отношения к делу, – занозисто проворчал Олтаржевский, вспомнив предостережения отца.

– Если вас что-то не устраивает, можете отказаться от предложения.

– Главное, что Вячеслав Андреевич вне политики! Детали мы с ним обговорим позже! – вмешался Гусь, остерегаясь, как бы приятель снова не полез в бутылку, и показал глазами – иди!

Чиновник смотрел перед собой с доброжелательной иронией.

На улице Олтаржевский направился к машине, но тут вспомнил о своей последней глуповатой записи в тетради – чтобы все его слушались. Подумав, он подошёл к одиноко стоявшему на парковке «Мерседесу» – водитель неохотно приотпустил стекло и посмотрел пустым взглядом мимо чужого хозяина.

– Ваша машина загорает вход. Переставьте её, пожалуйста! – сказал Олтаржевский.

Водитель высунул голову, озираясь на пустую парковку. Отъехал от бордюра и встал в двух метрах от прежнего места: совершенно бессмысленный маневр.

– Что случилось? – обеспокоился Бешев.

– Я попросил переставить машину.

– Вы знаете, чья это машина? Руководителя администрации президента!

Вячеслав Андреевич не ответил. Он удобнее устроился на заднем сиденье.

Помощник сел впереди.

– Игорь Леонидович, – сказал Олтаржевский. – Можно вас попросить?

– Да, конечно.

– Если мне положена охрана, ничего не подделаешь. Но если не трудно, пусть ребята не мозолят глаза. Неловко. Бояться мне пока некого.

Бешев и водитель едва заметно переглянулись, и уголки их губ дрогнули в улыбках. Олтаржевский прикрыл веки, не заботясь, что о нём подумают.

10

В тот же день на совещании в конференц-зале здания-книги бывшего СЭВ на Новом Арбате Гуськов представил Олтаржевского совету директоров и главам компаний. У Олтаржевского от волнения немели ноги. Гуськов поблагодарил всех за работу, сказал, что ненадолго уедет, и попросил близких соратников задержаться.

В лицо Олтаржевский знал лишь генерального директора телеканала Владимира Кошелева, усатого дядьку с повадками рассудительного барина, и главного редактора службы информации Григория Грачевского, напоминавшего костлявого студента.

Гуськов предупредил, что в ближайшие месяцы компанию попробуют развалить. Сказал, невзирая на то, что его вынудили подписать соглашение с министром печати о передаче части активов холдинга «Газпрому», выполнять обязательства Гуськов не собирается – компания еще поборется.

При тягостном молчании соратников Гуськов рекомендовал решать текущие вопросы с его преемником, заявив, что будет с Олтаржевским на связи: присутствующие без выражения, как на пустое место, посмотрели на Вячеслава Андреевича. Оставшись с приятелем вдвоём, Гусь сказал:

– Пока не войдешь в курс, делай, как скажут! Когда все побегут отсюда, не спеши! Помни, как бы ни сложилось, это твой трамплин наверх! – Подумал и добавил: – Похоже, назад меня не пустят!

Гусь провёл приятеля в его новый кабинет (кабинет хозяина решили не занимать: из суеверия – чтобы вернулся).

Высокие окна выходили на реку. Середину комнаты занимал большой Т-образный стол и пара стульев: кабинет не спешили обставлять – ждали распоряжений.

Гусь подошёл к окну. Напротив грязно-бурой Москвы-реки, торцом к зданию бывшего СЭВ, высился Дом правительства с российским гербом на башенке. На высоком шесте ветер вяло шевелил российский триколор.

– Глянь, Слав! – Гусь подозвал Олтаржевского. – Всего-то дорогу перейти – и ты там! А иным жизни не хватит, чтобы добраться, – с грустным пафосом произнёс он.

Вячеслав Андреевич посмотрел на гостиницу «Украина» через реку.

– Высотка моего прадеда, – сказал он, и вновь почувствовал нелепость своего назначения.

– Располагайся! – Гусь легонько хлопнул приятеля по плечу. – Кстати, знакомься – Неля Лядова. Мой, а теперь твой секретарь.

В дверях улыбалась рослая девушка лет двадцати пяти в черном платье с белым воротничком, с короткой стрижкой под мальчика и тонкой талией.

– Нэла, Арон Самуилович, а не Неля! Неля другое имя! – поправила она шефа.

– Вечно со мной спорит! – пожурил Гусь. – Какая разница, Нэла или Неля! Если хочешь, можешь её уволить! – И девушке: – Шучу!

Нэла кисло улыбнулась и, не получив распоряжений, вышла.

– Не смотри, что молодая, – сказал про неё Гусь. – Если что, обращай к ней. Подскажет.

– Пока нечего подсказывать.

– Ладно! В целом ты понравился главе. Только не надо было с ним залупаться. Его дружба дорогого стоит. Нужный человек. И опасный. На вид тихий, вкрадчивый, а раздавит любого. Одно отчество, чего стоит! – усмехнулся Гусь. Он рассказал, как студентом, хиппуя, глава проехал босым несколько остановок в метро. – Жучила! Но башковитый, черт! У него прозвище среди своих – «сахарная голова». Из-за лысины. Был личным биржевым агентом Бори и экспортировал автомобили его концерну АВВА. Понял теперь, кто меня заказал? Боря, дурачок, думает, что это я его машину рванул. Ничего, скоро все за мной побегут! – мстительно покрякивал он рот. – С остальными познакомишься позже.

Нотариус, плешивый еврей с завитушками на затылке и в костюме тройка, пальцем показывал Олтаржевскому, где расписываться; Гуськов терпеливо ждал, уставившись в окно. Затем поехали в банк заверять подписи. На прощание друзья обнялись.

Ночью Гуськов вылетел в Израиль. В аэропорту Бен Гурион олигарх для местных телеканалов обругал Кремль и окончательно захлопнул для себя двери в Россию.

11

В компаниях холдинга шептались о назначении Олтаржевского. О нём ничего не знали, кроме того, что он «лучший друг» Гуськова и вытащил того из тюрьмы. Роль Олтаржевского в освобождении олигарха преувеличивали, но в его близости к высшей власти не сомневались. Значит, заключили, будущее медиаимперии решено – в Кремле с Гуськовым договорились и назначили «гробовщика».

СМИ рассказали, что живет Олтаржевский в Чигасово! Иногда ночует в квартире на Тверской. Рассказали о прежней работе Олтаржевского в забытой газетенке; опубликовали сдержанное интервью о нём его бывшей жены; даже напечатали испитые рожи его «коммунальных гоблинов».

Олтаржевский достаточно проработал в СМИ, знал, как раздувают пустяки, и понимал, что коллеги еще долго будут обсасывать каждую мелочь о нём. Нужно терпеть.

Прежняя убогая жизнь преемника не вязалась с его карьерным взлетом, и публикации об Олтаржевском посчитали газетной «уткой», чтобы запутать след. «Русские сенсации»

и «Скандалы недели» холдинга молчали о новом главе. Интервью он не давал. Тусовок избегал. Был прост в общении. Ездил без охраны с водителем Колей, улыбчивым парнем лет тридцати, или со степенным Андреем, бывшим охранником какой-то шишки. Здоровался с сотрудниками за руку. Шутил на перекурах с журналистами, настороженно замолкавшими при нём. Уважительно пропускал перед собой коллег. Не стеснялся спрашивать, если чего-то не знал, не обижался, если его поправляли. Прислушивался к советам. Приезжал на работу в свитере и джинсах, – к нему сразу прилипло прозвище Джобсик, по манере одеваться под Фила Джобса. Он вёл себя не как клерк, а как «хозяин», которому позволено всё. Впрочем, авторитет Гуся в компании был абсолютным. Все знали – преемник лишь озвучивал его решения, и охотно помогали новичку.

Никто не догадывался, как Олтаржевский трусил: ему досталось даром то, что Гусь создавал годами. Он заставлял себя не оборачиваться, чтобы посмотреть, не смеются ли ему в спину. Засыпая на Тверской, он ждал, что утром проснётся дома, но просыпался в той же спальне с гобеленами, ехал в контору, и всё повторялось.

Он чувствовал себя ефрейтором, выкравшим генеральский мундир.

По просьбе Олтаржевского Бешев нанял ему преподавателя по экономике. Но экономические «модели» и «формулы» Гуся сводились к банальному воровству и ростовщичеству, и Вячеслав Андреевич не узнал для себя ничего нового: приятель и ему подобные беззастенчиво обирали казну. Гусь брал у государства безвозмездные кредиты. В Европе дёшево занимал, а здесь ссужал через свой банк деньги под невероятный процент. Скупал, банкротил и перепродавал заводы выходцам из бывшего СССР за границей, и те, кто раньше ишачил на одних, ныне ишачили на других хозяев – но теперь почти даром.

В гигантскую «Монополию» играли только свои – главное, чтобы финансовую цепочку замыкали подельники в правительстве. Они убивали экономику страны из глупости и жадности или специально.

Прежний совестливый правдоха Олтаржевский непременно ушёл бы. Но его уход не изменил бы ничего. Он решил, если получится, повернуть к лучшему хоть что-то.

Понял он и главную ошибку Гуся: тот цапнул руку дающего и получил по зубам.

Давний приятель отца, со странным именем Охрим Родионович, по фамилии Кваснер (Селиванов по жене) помог Олтаржевскому разобраться в финансах. Вячеслав Андреевич взял его на работу на незначительную должность. Сухонький старикашка в очках с толстыми стеклами, бывший главбух стройтреста, он всю жизнь считал деньги государства и не терял головы от чудовищных сумм. В банковские дела Гуськова старик не лез – там заправлял американец Брандмауэр – но и без банка узнал многое.

Кваснер выяснил, что почти вся прибыль шла на издания и телеканал. Старик пожал плечами и сказал Олтаржевскому:

– У вашего приятеля не все дома. А когда они соберутся, им не хватит даже на мацу.

Вкалывая изо дня в день, Олтаржевский старался не принимать работу всерьёз, чтобы не свихнуться от бессмысленности того, что делает.

В бизнес-сообществе бегство Гуськова одобрили: главное – он на свободе!

Фамилию его преемника не запоминали. Если Гусь запросто входил к премьеру, то своего «протеже» он никуда не пускал: остерегался, что тот напортачит.

Бешев посоветовал Олтаржевскому проявить себя в переговорах с кредиторами.

– Если у вас получится, о вас заговорят. Нет – вы ничего не теряете, – сказал помощник.

Он подобрал специалистов, и те переработали соглашение.

Собрались у Олтаржевского. Стеллажи книг и напольные часы с четвертным боем – их Вячеслав Андреевич подбирал сам – создавали атмосферу уюта в кабинете.

Помимо прочих, Олтаржевский пригласил Кваснера – старик сидел за отдельным столом в углу. Лядова разложила бумаги. Вячеслав Андреевич уже понял, что Нэла – находка для него: с ней он не отвлекался на пустяки.

Из «Газпрома» и министерства прислали второстепенных замов с командой. Еще двух чиновников из администрации президента Олтаржевский не знал.

– Они считают вас легкой добычей. Это хорошо, – шепнул Бешев.

Вячеслав Андреевич не углублялся в детали – он ничего в них не понимал. Он заговорил о людях и информационной политике компании.

– Лояльность власти – это убытки. Мы растеряем зрителя и рекламу, – говорил он.

Олтаржевский говорил о профессионализме, о людях и о прибылях от СМИ. Он внушал так убедительно, что собравшиеся не сомневались – он прав. Но если бы их попросили повторить услышанное, они не вспомнили бы ни слова. Олтаржевский сам не понимал, как у него это получилось.

Кваснер поддержал Олтаржевского цифрами. Сгорбившись над бумагами, с еврейской скаредностью старик пересчитал каждый рубль. Он рассказал о расходах холдинга и о причинах убытков.

– Кто будет платить? – спросил старик.

Когда Олтаржевский подвёл итог, все осторожно переглянулись. Бешев, внешне невозмутимый, пробовал разгадать простой и эффективный приём Олтаржевского – уступая в пустяках, тот вынуждал соглашаться в главном. И это сработало.

Договор обсуждали до ночи.

К удивлению многих, «газовщики» взяли акции за долги, остальные долги списали. Министерство оставило холдингу телеканал. Решили – меньше Чечни и чернухи, больше – сериалов и славиц власти; больше бытовых скандалов и ток-шоу, чтобы народ «выпускал пар». На новые программы раскошелывался главный акционер.

Под утро Олтаржевскому позвонил Гуськов.

Осоловевшая от усталости Нэла слышала, как они ругались по скайпу. Гуськов орал, что Олтаржевский «его предал», «лёг под них», требовал «убираться». За закрытой дверью слышалось «бу-бу-бу» Олтаржевского.

Олигарх не звонил сутки. Затем сухо поблагодарил приятеля за переговоры: он сохранил деньги и власть.

12

Тогда-то соратники Гуськова заметили – преемник внимательно слушал, говорил мало, но решения принимал верные. Шепотком ёрничая над его указаниями, искушенные доки с изумлением находили, что исполняют свои же предложения. Преемник не мешал им работать! Он не лез в экономику и финансы, не лез в хитрости медийной игры, но, согласуясь со здравым смыслом, поступал разумно – разрозненные операции компаний складывались в стройный пазл. Он умел убеждать.

О нём заговорили, как об удачной замене Гусю.

– Поработайте над имиджем. «Рубаха-парень» раздражает власть, – посоветовал Бешев. Олтаржевский, пересилив себя, «попробовал».

Ему наняли известного имиджмейкера Гари Локтева. Локтев изучил биографию клиента и из «темной лошадки», каким Олтаржевского рисовали СМИ, стал лепить образ храброго ветерана: неразгаданная загадка, орденоносец среди «жирных котов» и «воров». Интеллигентный, образованный, умный, волевой, жесткий, дисциплинированный, выдержанный, корректный, вежливый, уравновешенный и хладнокровный – всё это Олтаржевский узнал о себе из газет. Ложь его раздражала. Но пока болтовня не мешала работе, он не обращал на неё внимания. Для рядовых сотрудников он стал спасителем компании. В отличие от барствующего скандалиста Гуськова, преемник ни с кем не ссорился и уважал людей.

Олтаржевскому посоветовали быть «пластичнее»: посещать тусовки, чтобы к нему привыкли, шутить, чтобы все видели – он «живой». Он не курил, но мог пригубить вино. Как ни настаивал Локтев, Вячеслав Андреевич наотрез отказался заводить собаку или кота (чтоб подчеркнуть доброту!) – о Джойсе Вячеслав Андреевич не распространялся.

Ему сшили костюмы по фигуре. Подобрали галстуки: синие, серые, красные. Но костюмы так и остались висеть в шкафах – на работе Олтаржевский появлялся в свитере и джинсах. Эту странность списали на его стиль.

Олтаржевский быстро находил язык с людьми – московские чиновники охотно работали с ним. Знакомства Вячеслав Андреевич использовал, как инструмент. «Подарками» цементировал «дружбу». По его мнению, чиновники были не плохие и не хорошие. Такова система, и даже умнейшие из них изменить ничего не могли.

Решили, что Гусь подобрал приятелю хороших советников, или у того есть тайный покровитель. Там, где сам Гусь пёр напролом, новичок осторожничал, и у него получалось.

Олтаржевский же словно наблюдал за собой из-за толстого стекла. Снаружи мельтешили люди, суетился он: встречался с детьми и женами, которым стал вдруг нужен; созванивался с «друзьями», которые обиделись, что он их «забыл»; он что-то, где-то, для чего-то делал. По другую же сторону стекла бесстрастный наблюдатель просчитывал мысли, слова, поступки, свои и чужие, решал, полезно это или нет для дела. Он пробовал объяснить свою удачу. Вспоминал пережитый ужас на Тверской. С опаской рассматривал в зеркало лицо, волосы, руки – не постарел ли? Делал понедельные «селфи» и сравнивал фото: считал морщины на лбу, у глаз. Свои страхи объяснял нервным напряжением. Убедившись, что не изменился, постепенно привыкал к власти над людьми. Он стыдился этого ощущения и наслаждался им, как ненаигравшийся ребенок.

Сотрудники холдинга заметили: на переговоры Олтаржевский носил блокнот в старинном кожаном переплете, но ничего в него не записывал. Вячеслав же Андреевич не расставался с книгой, как с талисманом, который приносил удачу.

13

Олтаржевский переселился в роскошный особняк Гуся и первое время жил там, как в гостях: пользовался лишь спальней и библиотекой. Управляющий показал ему дом.

Вячеслав Андреевич не подозревал, что у Гуся с его богатым художественным прошлым такой убогий вкус. Дорогущий хлам – посуду, вазы, статуэтки и картины – Гусь вывез или распродал. Но по углам и на стенах, как в провинциальном музее, пылились рыцарские доспехи и оружие, на тяжелых портьерах мохнатила серая пыль.

Очевидно, Гусь пытался воссоздать некое подобие родового замка.

Всю рухлядь Олтаржевский приказал сложить в подвал, и пригласил дизайнеров, чтобы обновить особняк. На время он перебрался на Тверскую, да так там и остался – в старой Москве ему было как-то уютней.

Он гонял по ночному городу на новеньком красном «Феррари» – одно из немногих удовольствий, которое вошло у него в привычку. Ночные клубы и кичливые тусовки не любил: те же физиономии, те же разговоры ни о чём.

Как-то ночью он подкатил в безлюдный двор своей коммуналки – скученные авто вдоль тротуаров, песочница посреди деревьев, пёстрая лесенка на детской площадке. На скамейке темнел силуэт – кто-то сидел в позе извозчика, с банкой пива в одной руке и красным огоньком сигареты в другой. На кухне коммуналки горел свет: Вячеслав Андреевич представил, как Вова басит пьяную чушь пустоте; вспомнил квартирные скандалы, убогий быт. В сердце ничего не шевельнулось – ни грусть, ни отвращение. Он подумал, что никогда не вернется сюда. Тайные надежды на бегство к прежней жизни неосуществимы, потому что в душе уже

притаился страх потерять недавно полученное. Назавтра он попросил Бешева нанять риэлтора и продать комнату.

Но и работа не приносила Олтаржевскому удовольствия. Газетные публикации и телевизионные программы мусолили жёлтые скандалы и дутые сенсации, собирали под них рекламу. Талантливые профессионалы рассказывали людям гадости о других людях, бессовестно перебирали помойку человеческой низости, и Олтаржевский участвовал в этом, хотя всю жизнь был убежден: надо воспитывать вкусы читателей и зрителей, как воспитывали вкусы публики Третьяков, Цветаев, Бурылин. Идеалист в душе, он верил, что добро непобедимо, как мечта человека о счастье. На этих нравственных началах, на «честном купеческом слове», веками держалось русское предпринимательство. Тут же он уговаривал себя, что изменить людей не может. А значит, обречён воевать с ветряными мельницами вместо того, чтобы сжечь их. Он убеждал себя: лучше делать то, что не нравится, но то, что нужно людям, чем дряхлеть в коммунальной конуре забытым стариком и из милости за гроши править бездарные тексты для бульварных изданий. Он всегда был начеку с новыми людьми, потому что за все время работы в компании так и не понял, что вдохновляло соратников Гуся на то, что они с таким рвением делали.

По совету Бешева, Олтаржевский вёл в еженедельнике колонку редактора – чтобы его «лицо примелькалось». Советовался с соратниками Гуся, чтобы знать, о чём они думают. Слушал предложения рядовых коллег: они знали его в лицо и считали своим.

Он многим помогал.

В себе же всего за месяц он обнаружил капризную бабу, жмота, барина, завистника... всех тех, кто прячется за спинами даже порядочных людей. Мелкий пакостник в нём, уязвленный многолетней нищетой, несправедливостью, грошовыми обидами, готов был глумиться над людьми, и Вячеслав Андреевич с трудом боролся с мерзавцем в себе.

Но ведь не для того, чтобы хапать и тратить, судьба в промозглую ночь на пустынном Арбате выдернула его наверх!

Иногда он думал об Ольге. Кольнёт в сердце пустячок воспоминаний, и две встречи затеяются в памяти, как мимолетный каприз. Под запекшейся болячкой ныло и ныло...

14

Как-то Олтаржевский засиделся в конторе допоздна. Уборщица, не решаясь войти, гудела пылесосом у самой двери. Вячеславу Андреевичу всегда было неловко задерживать людей. Он быстро собрался и вышел. Пожилая татарка в рабочем халате кротко кивнула в знак приветствия.

В приёмной на компьютере печатала Нэла. Девушка подняла от экрана утомленное лицо и приветливо улыбнулась.

– Вы что так поздно? – спросил он.

– Жду звонка. Хотели где-нибудь посидеть с подругой. Наверное, не дождусь.

Олтаржевский предложил её подвезти:

– На дорогах пусто! Доедем быстро!

Нэла кивнула, выключила компьютер и переобулась из лакированных туфелек в сапожки. Олтаржевский ждал в пустынном коридоре.

В лифте он подумал о том, что девушка, должно быть, живет с каким-нибудь парнем у родителей. Или снимает квартиру. А может, папа с мамой круглый год на даче, чтобы не мешать дочке. «Пересекаясь» в «Шоколаднице», она жалуется подруге. Ей пора рожать, а «ему» по фигу. Он хороший программист, у него работа, друзья и пиво, а её всё достало. Олтаржевский с неловким чувством подумал о том, что не знает ничего о Нэле, как часто мы не знаем ничего, о тех, кто рядом.

Будто угадав его мысли, девушка подняла темно-карие глаза с влажной поволокой, и опять улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

– У вас красивая машина, – сказала Нэла, усевшись в «Феррари».

– Спасибо. – Он спросил, куда ей ехать, и предложил заглянуть в кафе. – Может, я заменю вам подругу?

Девушка кивнула, пряча улыбку в воротник простенькой норковой шубки.

Сегодня был тот редкий случай, когда Вячеслав Андреевич решил погонять по городу. Он попросил водителя забрать машину и отпустил его.

Олтаржевский повернул на Конюшковскую улицу и поехал на Новинский бульвар.

Попросил Нэлу рассказать о себе. Девушка в Иркутске защитила диплом по пиар-технологиям. Родители развелись. Отец, отставной военный, купил дом в Подмосковье. Сначала девушка жила у него. Работала в муниципальной газете. Познакомилась с местным чиновником. Он снял ей квартиру на Беговой. Устроил на новую работу. Потом она ему надоела. Теперь живет одна со спаниелем Чапи. Когда много работы, с Чапи гуляет соседка, бывшая учительница – соседкиной маме сто пять лет, и она бывшая фрейлина.

– Чему вы улыбаетесь? – спросила девушка.

– Я сочинил вам другую биографию.

С Садово-Триумфальной повернул на Малую Дмитровку и в Оружейный переулок.

Олтаржевский сказал, что нашёл приличное место, еще не заезженное посетителями.

Они разделись в гардеробе и поднялись на второй этаж. Молодой кавказец в галстук-бабочке провёл гостей к столику в нише у окна. Официант принял заказ и с легким поклоном удалился.

– Здесь мило, – сказала девушка, озираясь на розово-фиолетовые стены, сцену и экран в глубине зала. – Это караоке-бар?

– Да. Завсегдатаи соберутся позже. Если хотите, можно перейти в соседний зал.

– Нет. Мне здесь нравится.

Олтаржевский спросил, дружит ли девушка с кем-то в компании? Нэла рассказала о приятельнице Оксане Скобцовой, руководившей корпунктом в Питере.

– Она режиссером снимала новогодний огонёк. В студию неожиданно приехал Арон Самуилович с женой. Свободных столиков не оказалось. Оксана выматерила кого-то из помощников, и места нашли. Всё это время Гуськов ждал рядом. Она об этом не знала. Его в лицо тогда мало кто знал. А потом он назначил её в Питер. Вячеслав Андреевич, давайте не будем о работе, – попросила Нэла.

– Давайте. Только тогда нам не о чем станет говорить, потому что общих интересов, кроме работы, у нас нет. Я ничего не знаю о ваших вкусах. Вы – о моих. А если расскажу, они вам, скорее всего, покажутся архаичными и вряд ли заинтересуют.

– Нет. Мне с вами интересно. Мне нравится, что вы делаете. В компании вас многие уважают. Вы не даёте своих в обиду. Я читала о вас.

– В газетах многое врут. Вы ведь знаете, как это делается.

– Но про вашего прадеда и про то, что вы воевали, это – правда?

– Правда. Скажите, вы действительно ждали звонка подруги?

Девушка смутилась. Олтаржевский извинился. Нэла благодарно улыбнулась.

От природы добрая, она научилась притворяться, и не знала, нужно ли пробовать увлечь Олтаржевского для своей пользы. Сначала ей показалось, что она влюбилась в него. Затем передумала. Она мечтала «удачно» выйти замуж, но рассчитывала только на себя. Кормила бездомных собак у метро сосисками и в глубине своего юного сердца верила в любовь, как верят в чудо.

Им принесли сок и вино. В зал начали подходить люди.

Олтаржевский извинился и спустился вымыть руки.

Сквозь музыку и плеск воды в умывальнике он услышал крики.

За дверью стоял солдат с автоматом на груди в бронежилете и балаклаве под каской.

Солдат обернулся. Ощупал Олтаржевского взглядом, толкнул его лицом к стене, и ударил шнурованным ботинком по пяткам:

– Ноги шире!

– Что случилось? – как можно спокойнее спросил Вячеслав Андреевич.

– Заткнись!

Олтаржевский спокойно бы дождался развязки – мало ли «зачисток» было в Москве в те годы! Но сверху донеслись крики. Он подумал о Нэле и сказал:

– Мне надо в зал!

Боец не ответил. Олтаржевский хотел обойти его, но солдат ткнул Вячеслава Андреевича носом в стену.

Позже Олтаржевский вспоминал, что с этой минуты, был как в чад.

Он угрюмо приказал отвести его к офицеру. Солдат, помешкав, подчинился.

В зале «мумии» в балаклавах проверяли документы и выворачивали карманы напуганных людей. В сторонке метрдотель закрывал платком окровавленный нос. Он обиженно покосился на Олтаржевского, словно тот его бил.

В нише у окна рослый боец потрошил сумочку Нэлы: пальцем в перчатке небрежно расшвыривал вещи по скатерти. Бледная от страха девушка смахивала с ресниц слезы.

Олтаржевский отнял у солдата портмоне. Тот растерянно уставился на неожиданного защитника. Олтаржевский позвал офицера. Тот подошёл важный, неторопливый:

– Что тут?

Солдат пожал плечами и показал на взбунтовавшегося посетителя.

Вячеслав Андреевич хотел было упротить офицера отпустить их с Нэлой и даже полез за деньгами. Но вдруг разозлился на себя. В душе поднялась муть.

– Знаешь что? – вдруг сказал он, и в его голосе послышались насмешливые нотки. – Извинись перед людьми! Пусть они решат, что это была шутка!

– Чё? – военный пронзил Олтаржевского зло прищуренным глазом. – Ты пьяный?

– Ты ж офицер, а не бандит! Наверно, воевал. – Олтаржевский брезгливо скривился. – Твои ребята – тоже!

Офицер выпрямился и с достоинством поправил ремень. Потом вполголоса пожаловался, что у него приказ, и громко распорядился прекратить шмон. Бойцы вопросительно уставились на командира. Гости решили, что импозантный мужчина с горбинкой на носу – милицкий чин.

– Вот видишь! Начальство вашими руками выживает конкурентов, так? – сказал Олтаржевский. Офицер смутился. – Вы по приказу мудака обираете людей, пока твои друзья рискуют жизнями на войне! – продолжал Олтаржевский. Помолчал и сказал еще что-то офицеру на ухо.

Офицер гневно закричал, но тут же примирительно хлопнул Олтаржевского по плечу – в его душе зыграл бретёр и забияка:

– Вот это ты в точку! Где тут у них чего? – воскликнул он и огляделся.

Олтаржевский подозвал метрдотеля – нос у того распух. Парень, выслушав, кивнул. Офицер подошёл к микрофону, смущенно одергивая форму. Техник в бейсболке и с серьгой в ухе подключал аппаратуру. Бойцы сбились в проходе, не понимая, что делать.

– Что это значит? – спросила Нэла, озираясь. – Выгоните их! Вам достаточно позвонить.

– Вы же не станете жаловаться папе, если вам наступят на ногу! – Глаза Олтаржевского сузились, а рот снова покривился, на этот раз язвительно. – Show must go on! – проговорил он.

Девушка проследила за его взглядом.

По лестнице поднимался рослый детина в клетчатом пиджаке с кожаными налокотниками и в голубых джинсах, а с ним лысый парень плотной комплекции, как похоронный агент – в черном пальто и в черной водолазке. Из-под рукава лысого выглядывал грязный гипс.

Увидев «омоновца» у микрофона, двое остолбенели. Их догнал хозяин, пузатый кавказец в рыжей дубленке. Он подлетел к детине. Метрдотель что-то затараторил, пальцем показывая на Олтаржевского. Спорщики взглянули на Вячеслава Андреевича и Нэлу – лица мужчин не предвещали ничего хорошего.

Тут офицер стянул балаклаву, открыв простецкое курносое лицо, пощелкал пальцем по микрофону и сипловатым голосом поздоровался. Посетители вытягивали шеи и переглядывались. Офицер сообщил, что красиво говорить не умеет, извинился за недоразумение, и предложил вспомнить всех, кто сейчас выполняет свой долг. Зазвучала минусовка газмановских «Офицеров», военный неуверенно повел дрожащим баритоном. Тут же официанты с подносами побежали обносить бойцов рюмками бесцветной жидкости и бутербродами. Солдаты растерянно пялились на командира. Другие уже неуверенно закусывали, но не пили. Некоторые для удобства стягивали балаклавки, обнажив молодые весёлые лица.

Посетители смотрели на представление с недоумением.

Олтаржевский, расплатившись за несъеденный ужин и угощение для солдат, повёл свою девушку вниз. У гардероба они услышали аплодисменты и поощрительное гиканье. Нэла, спрятав подбородок в воротник шубки, торопливо зацокала каблучками к выходу.

В машине Олтаржевский извинился за испорченный вечер. И тут девушку прорвало – от потрясения у неё началась тихая истерика.

– Зачем вы это сделали? – прошептала она.

– Я не знал, что так получится! – растерялся Олтаржевский.

– Зачем вы это сделали? К чему ваш маскарад? Вы считаете, если имеете много денег, то имеете право издеваться над людьми? Мне казалось, что вы не такой, как все! А вы жестокий! Жестокий! Жестокий! Вы ничем не отличаетесь от вашего друга! Вы наслаждались тем, что людям страшно, а солдатам стыдно за командира! Они ведь люди, а не ваши игрушки!

Она опомнилась и испугалась, что наговорила лишнего.

– Вы считаете, что я подстерег вас после работы, чтобы поглумиться, а офицеру заплатил, чтобы он извинился за гнусность? – устало спросил Олтаржевский. – Я ему сказал, кто я и где работаю. У этих людей еще осталась совесть и здравый смысл!

Девушка не нашла, что ответить. Собственные обвинения показались ей нелепыми.

Всю дорогу они молчали.

Вячеслав Андреевич притормозил у высотного дома на Хорошевском шоссе рядом со съездом на Беговую. Снежная крошка таяла на стекле.

Олтаржевский легонько пожал ладонь девушки. Она насторожилась, но не убрала руку.

– Может, зайдете попить чаю... – неуверенно предложила она.

– Спасибо. В другой раз. Чапи вас заждался!

Она улыбнулась обиженно и благодарно, еще не решив, как отнестись к отказу.

– И вот что еще, Нэла. Пожалуйста, никому не рассказывайте о том, где мы были, и что мы видели! Ладно? – попросил Олтаржевский.

Девушка улыбнулась и согласно закивала.

Назавтра какая-то жёлтая газетенка рассказала о происшествии в караоке-баре и выложила фотографии Олтаржевского с другой, давней вечеринки, обозвав его самодуром. Омоновцев, участвовавших в операции, издание обвинило в «бесчинствах».

Олтаржевский же с холодком в сердце подумал о последней записи в тетради. Но тут же отмахнулся от ерунды. На новой работе он научился управлять людьми – вот и всё!

15

Поздно вечером Олтаржевскому позвонил отец.

– Помнишь наш разговор про Кривоколенный переулок? – спросил Андрей Петрович. – Встретишься с ребятами из инициативной группы?

Назавтра в кабинет на Новом Арбате охранник проводил двоих «ребят». Пенсионера лет семидесяти с большой лысиной и в коричневом старомодном костюме, с кривым узлом на галстучке, и долговязого мужчину примерно одних с Олтаржевским лет, неизменно худого: пиджак и брюки висели на нём, как на вешалке.

Посетители потоптались у входа. Олтаржевский поздоровался с каждым за руку. Втроем уселись за чайный столик. Долговязый поставил у ног портфель из рыжей кожи.

– Мы с вами виделись у Андрея Петровича, – слащаво улыбаясь, проговорил пенсионер.

– Да. Я помню. – Олтаржевский не помнил, но ему показался знакомым чувственный рот и масляный взгляд отцовского соседа.

Для солидности пенсионер, его звали Леонид Тарасович Потапов, перечислил свои прежние заслуги и должности в каком-то министерстве. Второй, Алексей Иванович Ключников, остроносый и с черными глазками любопытной галки, слушал рассеянно, облокотившись о костлявые колени и сцепив пальцы в замок.

– Алексей Иванович обрисует вам ситуацию. Он кандидат наук. Владеет вопросом. Добровольно вызвался помочь, – сказал Потапов.

– Не совсем добровольно! Скорее, я – лицо заинтересованное. Живу в Камергерском переулке. Рядом с мемориальной квартирой Сергея Прокофьева. Квартиру передали музею музыкальной культуры имени Глинки для музеефикации, а весь дом отдали реставраторам. По какой-то причине договор с ними расторгли. Уходя, реставраторы разорили квартиру композитора. Невольно пришлось вникать в тему! – заговорил учёный неприятным, скрипучим голосом, сосредоточенно глядя перед собой так, словно начинал лекцию. – Снос памятников архитектуры в Кривоколенном переулке – это лишь вершина айсберга. Мартиролог утрат исторической Москвы уже насчитывает сотни наименований, и число потерь будет только расти. Московские чиновники очень любят деньги, – проговорил он с едкой иронией и неторопливым движением убрал с бровей густой чуб. – Вы, очевидно, слышали про Генеральный план возрождения Москвы. Его называют «План возможностей». Этот документ приняли в прошлом году, но еще не утвердили. Составили его без учёта мнения москвичей. Леонид Тарасович рассказывал, что вы принадлежите к очень известной фамилии, много сделавшей для нашего города и страны. Поэтому наверняка слышали, что город со времен Петра не единожды перестраивали. Генеральный план сталинской Москвы тридцатых подразумевал сохранение радикально-кольцевой структуры. По нему выстраивали систему улиц и магистралей, а также расположение станций будущего метро. Согласно плану семидесятых, построили микрорайоны за пределами исторической Москвы: Медведково, Свиблово, Перово-Новогиреево, Тушино, Кузьминки, Выхино, Люблино и так далее.

Олтаржевский вспомнил окраины, откуда они в юности с друзьями ездили на дачи. Учёный продолжал:

– МКАД стала границей города. В Москве запретили строить новые фабрики и заводы. Советское руководство думало об экологии. Нынешняя реконструкция города – третья по счёту в новейшей истории. Но со времён большевиков, когда уничтожили Китайгородскую стену, Триумфальные и Красные ворота, Чудов и Вознесенский монастыри, храм Христа Спасителя, церковь Успения на Покровке и многое другое, Москва не видела такого варварского отношения к своему историческому облику! – Учёный помрачнел. Он подождал и неторопливо продолжил. – В план разрушения включили сотни особняков и доходных домов. Схема махинаций примерно такова. Сначала памятники исключают из списка выявленных объектов культурного наследия с формулировкой «в связи с полной физической утратой», либо под иным надуманным предлогом. Затем – сносят. А вместо них строят офисы и торговые центры. Делают из Москвы огромный торговый ларёк!

Происходит это потому, что председатель Совета директоров компании «Главмосстрой» – тот же человек, что руководит межведомственной комиссией при Правительстве

Москвы. Комиссия выпускает рекомендации Москомнаследию об охранном статусе зданий. Она же ставит их под охрану государства и объявляет объектами культурного наследия. Комиссия может решить и наоборот – то есть исключить здание из охранного списка. Другими словами, сам же застройщик на своё усмотрение решает, что сносить, а что строить.

Ученый достал из кожаного портфеля и разложил на столе папку.

– Бумаги мне передали работники мэрии, не равнодушные к будущему города. Я не берусь судить о действиях нынешнего правительства Москвы. Назову лишь несколько известных памятников архитектуры, уже уничтоженных, и те, что готовят к сносу. А также те, что с попустительства властей разрушаются от ветхости.

Сносить начали задолго до принятия плана. На Тверской уничтожили главный дом усадьбы Московского генерал-губернатора Чернышёва. Пару лет назад усадьбу передали под строительство делового центра «Усадьба-центр» и снесли.

Нет больше дома Аполлона Майкова, построенного в 1827 году. Теперь там элитный комплекс, а вместо дома – его копия.

Снесли дом причта церкви Николы Стрелецкого XIX века. Фирма «Тверская-финанс» во главе с Лобовым собирается построить на этом месте корпус художественной галереи Александра Шилова. А в компенсацию за издержки, мэрия разрешила Лобову снести на Знаменке несколько домов и построить там офисно-деловой комплекс. Среди памятников архитектуры на этом месте есть мемориальный адрес Достоевского. Во флигеле одного из домов писатель жил. Снесен мемориальный памятник, дом знаменитого русского физиолога Сеченова. На кинофабрике Ермолаева снесён уникальный дореволюционный павильон, связанный с именем пионера русского кинематографа Ханжонкова. Пантелеевское подворье в Китай-городе, построенное еще в 1873 году по проекту архитектора Стратилатова, заменили торговым пассажем. В Царицыне довели до разрушения дачу члена Общества любителей российской словесности, профессора Смирнова. Он был главным казначеем по сбору денег на памятник Пушкину в Москве.

Сносятся целые кварталы, как это сделали с Овчинниковской слободой. Уничтожаются скульптуры. В нижнем парке в усадьбе Кунцево у Москвы-реки разбили скульптурную группу «Плутон, похищающий Прозерпину» работы Паоло Трискорни. Снесли плотину XVI века на реке Неглиной, а на её месте построили подземный гараж. Сносятся творения Шехтеля, Казакова, Иванова-Шица и многих других.

Действуют нагло, никого не боятся. Четыре года назад стерли с лица земли четыре здания палат подворья Тверского архиепископа XVII века. Год спустя министерство культуры России обратилось в прокуратуру Москвы с просьбой привлечь виновных к ответу. Прокуратура отказалась возбуждать уголовное дело.

Еще пример. Ельцин указом утвердил охранный статус для усадьбы Салтыковых на Тверском бульваре. Там сейчас Некрасовская библиотека. Но президент страны для московских чиновников никто. Спустя три года по распоряжению Лужкова все строения усадьбы разрушили и устроили летнее кафе-пивную.

А вот список домов, подлежащих сносу. Собираются уничтожить дом в Леонтьевском переулке – это часть комплекса усадьбы Волковых. Сейчас там посольство Греции, а когда-то жил артист Южин, Станиславский сделал предложение своей невесте Перевощиковой.

В том же переулке разрушается дом Мартыновых. Тех самых, чей сын Николай застрелил своего друга Михаила Лермонтова на дуэли в Пятигорске. Лермонтов бывал в этом доме проездом на Кавказ. Никто дом реставрировать не собирается.

В следующем году надумали избавиться от дома на Смоленском бульваре – в нём после сибирской ссылки жил декабрист Беляев. К нему приходил Лев Толстой, собирая материалы о декабристах. Под слом пойдёт дом в Сивцевом Вражке, где в 1920-е годы бывал Борис Пастернак и где работал знаменитый филолог Ушаков.

На Пречистенке собираются сносить бывшую частную женскую гимназию Фишер, особняк 1820 года. В надворном корпусе усадьбы располагалось издательство символистов «Мусaget». Сюда приходили Валерий Брюсов, Иван Бунин, Леонид Андреев, Константин Бальмонт, Игорь Северянин, Александр Блок.

Дом основоположника советской нейрохирургии Николая Бурденко на улице его имени мэрия намерена реставрировать. Чем реставрация закончится – неизвестно.

Причем чиновники не мелочатся. На Страстном бульваре нацелились на целый комплекс зданий усадьбы писателя Сухово-Кобылина. На Ленинградском проспекте ремонтируют Петровский дворец архитектора Матвея Казакова, созданный в конце XVIII века. Он перестраивается под дом приёмов Правительства Москвы и гостиницу класса «шесть звёзд», – учёный показал пальцами кавычки. – Реставрацию начали с того, что мозаичный пол девятнадцатого века просто-напросто разбили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.